

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

Лия ГЕРАСКИНА

В СТРАНЕ НЕВЫУЧЕННЫХ УРОКОВ • 3

ПЕЧАТАЕТСЯ БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

Лия ГЕРАСКИНА В СТРАНЕ НЕВЫУЧЕННЫХ УРОКОВ • 3

Лия Тerasкина

В СТРАНЕ НЕВЫУЧЕННЫХ УРОКОВ • 3

Художник П. Гавин

«Искателькнига»

Третье путешествие Вити Перестукина и его друзей — Кати Пятёркиной, пса Рекса и попугая Жако — в удивительную Страну невыученных уроков полно увлекательных приключений. Герои попадают в разные исторические эпохи, где Данте Алигьери, Робин Гуд, Пушкин, Лермонтов, Джордано Бруно и другие реальные исторические персонажи убеждают Катю Пятёркину в необходимости хорошо учиться.

Я часто слышу, как мама и папа вспоминают разные случаи из своего детства, юности и совместной жизни и при этом вздыхают и заканчивают свой разговор фразой: «Боже мой! Как быстро летит время!»

Время летит! Почему я не чувствую, что оно «летит»?

— Ты ещё слишком мал, чтобы понимать это, — говорит папа. — В детстве никто не чувствует, как летит время, а вот когда становишься старше...

Наверно, моё детство кончилось, потому что для меня время, в котором я учился в пятом классе, пролетело очень быстро. Наверно, потому, что особых приключений, кроме второго путешествия в Страну невыученных уроков, у меня не было.

Женчик, простите, Женя и Люська стали нормально учиться. Но не всё в нашем классе шло по-прежнему. Случилось то, чего никак нельзя было ожидать.

Катя Пятёркина, которую учителя ставили нам в пример, Катя, у которой в дневнике были одни пятёрки, к удивлению учеников и огорчению учителей, почему-то стала пропускать занятия, не выполнять домашние задания и нахвата-ла двоек.

А началось всё с того, что она увлеклась рок-музыкой. Зачем ей это было надо? Непонятно. Думаю, на неё повлияло то, что друзей у неё в классе не было, но в этом она сама виновата. А главное, на мой взгляд, не только в этом. На неё повлияли уроки пения. Странно? Да, но это факт. Наш новый учитель пения Фёдор Иванович решил подготовить к концерту, который должен был состояться в конце учебного года, хоровые и сольные номера. Я, честно говоря, не очень люблю уроки пения, тем более что ни слуха, ни хорошего голоса не имею. Но Люська любила эти уроки и никогда их не пропускала. И вот она-то и рассказала мне, что, по её мнению, повлияло на Катю в худшую сторону. Я не очень-то поверил Люське, но дальнейшее поведение Пятёркиной доказало, что в чём-то Люська была права.

Фёдор Иванович искал среди своих учеников солистов. Нашёл мальчика и девочку из нашего пятого класса. Мальчик — Серёжа Петров — этот факт воспринял нормально, а вот девочка — наша гордость класса Катя Пятёркина — возомнила о себе чёрт знает что!

Один раз я слышал, как она пела. Не буду врать — здорово пела. Голос — как серебряный колокольчик. Совсем не такой, каким она говорит. Наверно, Фёдор Иванович слишком расхваливал её голос. Она и так считала себя умнее и красивее всех девочек нашего класса, а тут ко

всем её достоинствам прибавился ещё и редкой красоты голос.

Люська рассказывала, что как-то на уроке учитель пения сказал Катьке: «Будешь хорошо учиться пению — станешь прекрасной певицей. У тебя хороший слух и редкой красоты голос. Смотри, не зарывай свой талант в землю! Учись и развивай этот божественный дар!»

Вот с этого и началось. Для Кати уроки пения стали самыми главными. Мало того, она записалась в детский хор, и её сразу сделали там солисткой. Уроки музыки тоже отнимали у неё много времени.

Школьные занятия стали интересовать её всё меньше и меньше. Однажды учитель математики, удивлённый тем, что она не смогла ответить на его вопрос, спросил:

— Что с тобой, Катя? Ты ведь лучше всех в классе решала задачи. Может быть, ты нездорова?

— Я здорова, — сердито буркнула Катя, — просто я поняла, что ваша математика никогда в жизни мне не пригодится. Зачем же мне тратить на неё время?

Мы все были поражены её ответом.

— Может быть, тебе и физика и химия тоже не нужны? — поинтересовался учитель.

— Ни физика, ни химия, ни многое другое. Я учусь музыке и пению. Изучаю нотную грамоту и сольфеджио. Подумайте сами, зачем мне ваша математика?

— Ошибаешься. Запомни — среднее образование необходимо человеку, какую бы профессию он себе ни избрал, каким бы талантом он ни обладал.

Катя пожала плечами и ничего не ответила учителю.

Она всё чаще и чаще пропускала занятия в школе. И к концу учебного года нахватала немало троек и двоек, чем очень огорчила учителей, и едва не осталась на второй год в пятом классе. Но её всё-таки перевели в шестой. Ведь столько лет она была лучшей ученицей класса. Учителя надеялись, что она в конце концов поймёт, что обладание хорошим голосом вовсе не позволяет так наплеватьски относиться к занятиям. А если Катька что-нибудь решила...

Но хватит о ней! В шестом классе у нас появились новые учебники. Учиться стало интересно, но главным событием для меня, сознаюсь, было не это.

Как-то вечером к нам пришёл папин сослуживец Семён Гаврилович. После вечернего чая и разговоров на разные темы он вдруг каким-то извиняющимся голосом сказал:

— Вот что, ребята... не знаю, как и сказать... У меня к вам огромная просьба...

— Говори, — ответил папа, — мы же твои друзья. Чем можем — поможем. Я знаю, что тебе предстоит длительная командировка за рубеж... Может быть...

— Вот именно! — перебил папу Семён Гаврилович. — В этом-то и всё дело. Вы знаете, что семьи у меня нет. Родственников тоже. Но у меня есть попугай-какаду. Что мне с ним делать? Знакомые, которым я раньше пристраивал моего Жако, уехали из нашего города... Не в зоопарк же его отдавать... Он там с тоски помрёт.

— Отдайте его нам! — закричал я. — Я всегда мечтал о попугае.

— Витя! — строго одёрнула меня мама. — Никогда не вмешивайся, когда говорят взрослые.

— Ну почему же? — возразил наш гость. — Я

знаю, что Витя любит животных, и моему Жако будет у вас хорошо, конечно, если вы согласитесь.

— Я бы согласился, — сказал папа, — но вот что меня пугает. Витя действительно любит животных и, если он сильно привяжется к попугаю, а твой Жако полюбит Витю...

— Ну, это пустяки, — махнул рукой Семён Гаврилович. — Мой Жако никогда меня ни на кого не променяет. Я столько раз оставлял его у друзей, когда уезжал в командировки, и он всегда с радостью возвращался ко мне.

— Ну что ж, — сказал папа. — Неси свою птицу.

— Скоро у нас будет настоящий зверинец, — засмеялась мама. — Пёс, кот и попугай!

— Но это же временно, — успокаивал её папа.

На другой день Семён Гаврилович привёз попугая. Это был зелёный красавец какаду, его плечики украшали красные пёрышки. Он сидел в большой клетке и внимательно оглядывал папу, маму и меня.

Семён Гаврилович открыл клетку. Попугай вылетел и сел ему на плечо.

— Познакомься, Жако, — сказал наш гость. — Это Витя.

Жако слетел с плеча хозяина и сел мне на плечо.

— А он не выключает Вите глаза? — испуганно спросила мама.

— Попка не дурак, — возразил Жако.

— Неужели он понимает, о чём речь? — удивился папа.

— Конечно, нет, — ответил Семён Гаврилович. — Просто я научил его только этим словам. Да и прежние его хозяева, а их у него было немало, ничему его не научили. Но это добрая и умная птица. Она не доставит вам никаких забот и неприятностей. Корм для него я принёс.

— Не знаю, — в растерянности развела руками мама, — как отнесутся к нему наши звери. Пёс и кот.

— Не бойтесь. У меня тоже были и кот и пёс, и никто никого не обижал. Правда, Жако?

— Попка — не дурак, — повторил попугай.

— И у нас уживутся, — уверял папа. — Я тебя провожу, и по дороге ты мне расскажешь, как и чем его кормить.

Семён Гаврилович горячо поблагодарил нас и ушёл вместе с папой.

Вот так поселился у нас Жако. Клетку его я перенёс в свою комнату. Но он только спал и ел в ней. Когда Рекс подошёл к нему и тщательно стал его обнюхивать, я очень боялся, что Жако клюнет его в морду. Но Жако даже не пошевелился. Кузя к нему не подходил и только разглядывал птицу, лёжа на подоконнике.

В первую же ночь, когда мы — я, Кузя, Рекс и Жако в своей клетке — спали, я неожиданно проснулся оттого, что кто-то сказал: «Как вы думаете, Кузя, будет ли хозяин любить эту птицу больше, чем нас?»

— Ну что ты, Рекс, — ответил знакомый голос Кузи. — Не ревнуй. Ревность — плохая штука. У нашего Вити доброе сердце. Всем нам найдётся место.

Я затаил дыхание, ожидая, что скажет Рекс, но вместо него услышал чей-то незнакомый голос:

— Такого умного кота я встречаю впервые в жизни.

«Кто это? — замирая от удивления, подумал я. — Это сказал не Рекс, значит... Жако? А его хозяин уверял, что он может сказать только одну фразу: «Попка не дурак». Плохо же он знал свое-

го Жако. Мне говорили, что попугаи умеют говорить, но я также знаю, что они просто подражают голосу людей и совсем не понимают смысла заученных слов. Непохоже, чтобы Жако не понимал смысла своих слов».

Я перевернулся на другой бок, кровать скрипнула. Никто больше ничего не сказал, и я заснул, дав себе честное слово никому не говорить том, что слышал этой ночью.

Проснулся я рано и лёжа раздумывал о том, что же мне делать? Если Рекс, Кузя и Жако начнут разговаривать каждую ночь, я не буду высыпаться. Попросить их помалкивать? Купить затычки для ушей? Нет, это не выход! Ведь мне так интересно подслушивать их разговоры. Успокоился я на том, что вспомнил, как быстро засыпаю.

В шестом классе учиться было интереснее, чем в пятом.

Особенно меня увлекала история нашей страны. Правда, о многих фактах истории я уже знал из книг. Но в них наряду с историческими событиями было немало вымыслов. А в учебниках вся правда о твоей Родине.

Путешествие в Страну невыученных уроков здорово сдружило нашу троицу — Женю, Люську и меня. Мы все помнили и соблюдали нашу клятву, и наше путешествие было и осталось тайной. Никто не знал, что повлияло на них, почему они изменили своё поведение и куда девалась их лень. Они радовали учителей своими успехами в учёбе. И только я знал, почему произошла такая перемена в их отношении к своим обязанностям.

А мне, признаюсь, пришлось недавно покраснеть.

Как-то на большой перемене я случайно встретился с директором школы Виктором Васильевичем. Я поздоровался с ним и хотел пройти мимо, но он меня остановил.

— Тёзка, — сказал он. — А я у тебя в долгу.

— За что? — удивился я.

— Как — за что? А кто вытащил своих товарищей из кучи двоек по моей просьбе?

Я очень смутился. Так хотелось рассказать ему всю правду. Но я знал, что он поднимет меня на смех и велит выбросить из головы эту «дурь» — сказку о Стране невыученных уроков...

— Ничего не может быть хуже, чем похвала за незаслуженные поступки.

Дни шли за днями. Дома всё было по-прежнему. Я больше не слышал упреков от папы, что у меня слабая воля и нет никакого характера. Наоборот, папа часто вечерами играл со мной в шахматы и просил рассказать, что и по каким предметам мы проходим, и, выслушав меня, весело говорил: «Молодец! Я был таким же в твоём возрасте. Ты весь в меня!»

Мама тоже больше не говорила: «Витя — горе ты моё!» Слова, которые я терпеть не мог! А как часто я их слышал, когда учился в третьем и четвёртом классе!

Хорошо было у нас дома. Вечерами мама часто играла на пианино, после того как мы с папой сражались с переменным успехом за шахматной доской. После обеда я гулял с Рексом, а вернувшись с прогулки, садился за уроки. Я пытался научить Жако говорить, но безуспешно. Но я всё равно очень любил его. Он тоже радовался мне. Всегда садился на плечо, клювом осторожно трогал моё ухо и что-то лепетал по-птичьи. Изредка я просыпался ночью, подслушивал разговоры сво-

их друзей, но засыпал, почти всегда забывая, о чём у них шла речь. Я себе представляю, что сделали бы мои родители, если бы я раскрыл им эту тайну. Во-первых, они бы мне не поверили, во-вторых, пристроили бы куда-нибудь Кузю, Рекса и Жако и, в-третьих, показали бы меня детскому психиатру. Нет уж, лучше я буду хранить свою тайну.

Уроки мы почти всегда готовили втроём. Я, Женя и Люська. Это было гораздо веселее и интереснее, чем заниматься одному. Женя очень изменился, и это все заметили. Прежде всего он запретил своей бабушке провожать его в школу из дома и из школы домой; в его дневнике поселились и четвёрки, и даже пятёрки. Люська тоже отказалась от привычки поручать своей бабушке решение задач. Справлялась сама. Катя, увлечённая изучением нотной грамоты, уроками пения, спевками в детском хоре, разучиванием песен, сильно отстала от нашей троицы. Случалось, что она списывала у Жени. Они как бы поменялись ролями. Но, как выяснилось впоследствии, это ей мало помогало, и количество двоек в её дневнике всё увеличивалось.

И вот однажды к нам на урок английского языка, который вела новая учительница, пришёл директор школы.

Анна Петровна была заметно смущена его присутствием. Потом взяла себя в руки и хорошо провела урок. На её счастье, она не вызвала Катьку. Та бы наверняка испортила дебют молодой учительницы. Приятно было и то, что Женя отлично ответил на её вопросы по-английски.

Это был последний урок, и после звонка мы стали расходиться по домам. Я уже вышел в кори-

дор, когда директор остановил меня и сказал: «Загляни ко мне в кабинет минут через пять».

С тяжёлым сердцем я «заглянул» к нему в кабинет.

— Ты догадываешься, зачем я тебя пригласил? — спросил Виктор Васильевич.

— Нет. Вроде я ничем не провинился. Плохих отметок в моём дневнике тоже нет.

— Садись! — приказал директор, не обратив внимания на мои слова.

Я сел, он молча протянул мне школьный дневник.

Я недоумевал. Дневник? Но мой дневник лежал у меня в ранце.

— Прочти, — сказал директор, видя, что я ничего не понимаю. — На обложке прочти, — посоветовал директор.

Я прочел: «Школьный дневник... Екатерины Пятёркиной». Неужели он опять попросит меня...

К сожалению, я не ошибся. На этом дневнике правдивее была бы надпись «Дневник Екатерины Двойкиной».

— Мне кажется, тёзка, — мягко сказал Виктор Васильевич, — что, окончив школу и педагогический институт, ты станешь отличным педагогом.

«Только этого мне не хватало! — подумал я. — Меньше всего я бы хотел стать педагогом».

— Вы меня вызвали, чтобы убедить стать педагогом? Но ведь я только в шестом классе...

— Понимаю, — снова перебил меня директор, — ты прав. Я вызвал тебя по другому поводу.

— По какому?

— Ты держишь в руках этот самый повод, — усмехнулся Виктор Васильевич.

— Вы хотите, чтобы я...

— Вот именно, Витя, именно это я и хочу. Сам понимаешь, талантливая девочка, гордость класса, та, которая, как были уверены все педагоги, окончит нашу школу с золотой медалью, обнаружив в себе талант певицы, решила, что... Впрочем, что тебе говорить, ты лучше меня знаешь, что она решила, да и решение можно прочесть в её школьном дневнике. Это ужасное заблуждение. Неужели тебе не жаль эту пусть самодовольную, пусть эгоистичную, но несомненно талантливую девочку, которая, не зная что творит, может испортить свою жизнь? Не имея среднего образования, она не сможет получить и высшего. Необходимо убедить её понять своё заблуждение. Это трудно, потому что она самолюбива, грядущая слава затмила её светлый разум. Боюсь, что она решит бросить школу. Тебе всё понятно?

— Да. Непонятно только, чем я могу ей помочь. Простите, Виктор Васильевич, а вы сами как директор школы пытались её разубедить?

Он немного помолчал, нахмурился и тихо сказал:

— Пытался... Бесполезно.

— Так чего же вы ждёте от меня? Она не слушает ни учителей, ни родителей, ни директора школы, а я...

— У тебя дар воздействовать на своих сверстников. Ведь смог же ты сделать это для двоих почти безнадёжных лентяев и двоечников.

— Это совсем другое, — возразил я, — они были нормальными бездельниками, избалованными своими бабушками, а не воображали себя гениями, как Катька.

— Витя, — вставая, сказал директор, — я понимаю — трудно. Но считаю, что возможно. По-

старайся. Мне очень жаль эту девчонку. Прошу тебя.

— Постараюсь, — уныло произнёс я, — но уверен, что ничего из этого не выйдет.

— И всё же я на тебя надеюсь. Иди. Желаю тебе удачи. Я верю в тебя.

Я вышел из кабинета директора. Ну и груз навалил он на мою душу. Он в меня верит. Спасибо. А верю ли я сам, что смогу переубедить Катьку? Да она плевать на меня хотела. Что я мог предложить? Заниматься со мной, Женей и Люськой? Смешно!

— Почему ты такой невесёлый? — спросила мама, подавая мне тарелку супа. — Ешь и даже не замечаешь, что ты ешь. А я приготовила твои любимые пельмени.

— Просто устал, — ответил я маме.

Позвал Рекса и отправился с ним гулять. Во дворе встретил Люську.

— Катька сегодня опять двойку схватила! — злорадно сказала она.

— А тебя это радует?

— Ты забыл, как она смеялась над нами, когда мы получали двойки? Вспомни, как она явилась «подтягивать» нас. Теперь мы можем её «подтянуть».

Рекс нетерпеливо дёрнул поводок. Я отошёл от Люськи, отпустил Рекса побегать и сел на скамейку. Рекс несколько раз обежал двор, вернулся, положил мне лапы на плечи и лизнул в нос.

— Перестань! — строго сказал я псу. — Тебе только бы бегать и резвиться, а у меня серьёзные заботы.

Рекс нагнул голову набок, посмотрел мне в глаза и жалобно взвизгнул.

— Что? Рассказать тебе, какие заботы?

Рекс опять взвизгнул.

— Ладно, расскажу. Может, на душе легче станет. Катька! Помнишь её? Такая задавала. Да где тебе помнить? Ты в прошлом году ещё щенком был... В день моего рождения она меня высмеяла... Но не в этом дело. Вот эта самая Катька, лучшая ученица нашего класса, нахватала двоек полный дневник. И есть опасение, что она бросит школу. Да что я тебе всё рассказываю. Тоже хорошо, нашёл себе собеседника! А сказать мне кроме тебя некому. Думаешь, мне приятно, что директор школы просит меня заставить эту Катьку снова стать лучшей ученицей, гордостью и примером для нашего класса? Ничего себе задачка? И директор ещё говорит: «Я тебе верю, Витя, ты сможешь». А что я смогу, а, Рекс?

Рекс снова лизнул меня и взвизгнул.

— Понял, ты есть хочешь. Ну, пойдём. Пора уроки делать! Знаешь, сколько нам задают? Твоё счастье, что ты не учишься...

За ужином папа тоже заметил, что я какой-то невесёлый.

— Сыграем в шахматы? — спросил он. — Что-то ты сегодня не в духе, сынок.

Сели играть, и я проиграл партию.

— Что с тобой, парень? — спросил папа, вглядываясь в меня. — Разве так ходят конём? Может быть, двойка?

— Да что вы с мамой пристали ко мне! Нет у меня ни одной двойки. Даже тройки нет. Ясно? Неужели не может быть у человека плохого настроения без всякой причины?

— У взрослого человека может быть, — спокойно сказал папа. — Какое-нибудь неприятное воспоминание или ещё что-нибудь, не радующее ду-

шу. Но чтоб у такого мальчишки, как ты? Сомневаюсь!

— Спокойной ночи! — ответил я и отправился в свою комнату. Рекс побежал за мной.

— Доброе утро! — крикнул Жако.

— Какое утро, — удивился я, — когда скоро ночь! Попка дурак!

— Попка не дурак, — возразил Жако.

— Заткнись! — крикнул я и стал раздеваться.

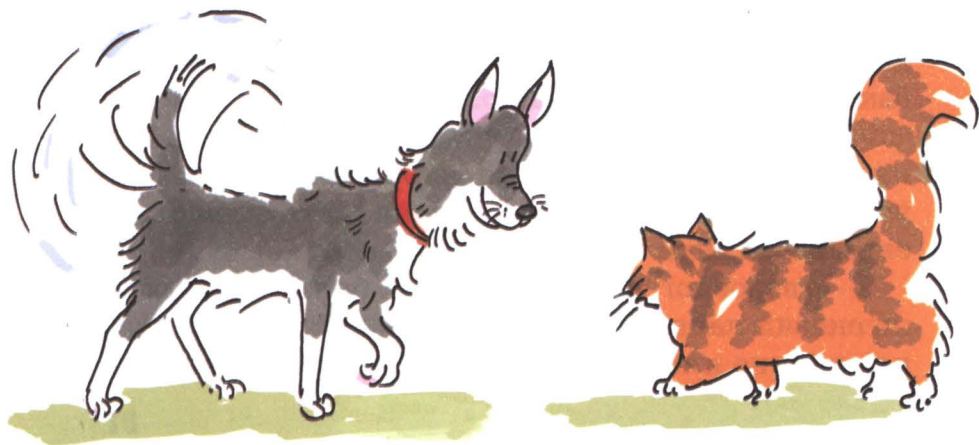
Кузя громко мурлыкал, растянувшись на подоконнике. Рекс улёгся на свой коврик и смотрел на меня, не отводя глаз. «Скорей бы уснуть, — подумал я, бухаясь в постель, — уснуть, чтобы ни о чём не думать». И вдруг услышал...

— Ум хорошо, а два лучше, — проворчал Жако.

«Почему Семён Гаврилович уверен, что Жако ничего не говорит, кроме фразы “Попка не дурак”?» — с недоумением подумал я.

Кузя заснул. Перестал мурлыкать. Чуть посапывал во сне и Рекс.

«Чёрт бы побрал эту дуру Катьку, — злобно подумал я. — Обалдела от своего голоса, а я отдувайся. Директор её жалеет ещё. Надо же, как изменилась! А была такая правильная до тошноты. Вот что делает с человеком жажда славы».

Ругая про себя Катьку, я незаметно уснул.

— Что с ним случилось? — услышал я сквозь сон голос Кузи.

— Кузя, пожалуйста, говорите тише, — попросил Рекс. — Наш Витя очень огорчён. Не знаю, правильно ли я понял его и Люську. Они говорили о том, что какая-то Катька получила много двоек.

— Какая-то Катька! — проворчал Кузя. — Это та самая Катька, которая испортила Вите в прошлом году день рождения. Но в то, что она получила двойку, я не верю. Она такая зубрилка. У неё всегда одни пятёрки. Это всё выдумки Люськи, она так же глупа, как её кошка Топси. И вообще, при чём тут Витя, даже если Катька и получила двойку?

— Мне кажется, Витя огорчён потому, что директор школы поручил ему заставить Катьку взяться за ум и исправить все свои плохие отметки, — сказал Рекс. — Он однажды попросил Витю как отличника помочь Люське и Женчику начать...

— Знаю, знаю, — прервал его Кузя. — Я тогда очень боялся, что вы с Витей не вернётесь из Страны невыученных уроков.

— Директор просил Витю повлиять на Катьку, — продолжал Рекс. — Витя, конечно, этого сделать не может, и поэтому он очень расстроен.

— Ты-то откуда это знаешь? — удивился Кузя.

— Он мне рассказал, когда мы были во дворе. — И Рекс слово в слово передал мой рассказ. Ну и память у пса!

— Я беспокоюсь о нём, — произнёс с чувством Рекс, — и не знаю, как ему помочь.

— Поживём — увидим, — зевая, ответил Кузя.

— Чужую беду рукой разведу, своя пришла —

ума не приложу, — слышался из клетки голос Жако.

«Они всё знают! — подумал я. — Сегодня в ночные разговоры включился и Жако. Ну и дела! Что бы сказали мама и папа, если б узнали об этом?»

Утром, плохо выспавшийся, я поплёлся в школу. Катька в школу не явилась. Я даже обрадовался, что сегодня мне не придётся говорить с нею. Да ни за что Катька не пожелает, чтобы я помогал ей. Я ведь помню, что даже Люська не хотела делать уроки со мной, не говоря уже о Женчике.

Я слушал учителей и ничего не понимал. Счастье, что меня не вызвали к доске. И дома повезло. Мама была чем-то занята и не приставала ко мне с расспросами. День прошёл, как в тумане. Что бы я ни делал, меня не оставляли мысли о том, как заставить Катьку... Злился я и на неё, и на директора. Чего он пристаёт ко мне? Сам бы повлиял на Катьку. Поговорил бы с её родителями... Нашёл себе палочку-выручалочку. Нет. Не буду я этим заниматься. Завтра пойду к нему в кабинет и прямо заявлю, что с Катькой связываться не хочу. Хоть из школы исключайте. Приняв это решение, я немного успокоился. Вечером играл с папой в шахматы и выиграл партию. Папа не только не огорчился, но даже похвалил меня. Потом погулял с Рексом по двору и пошёл спать.

Заснул сразу, а боялся, что от всех этих волнений не засну. Видел какой-то странный сон и внезапно проснулся... мне казалось, что вот-вот Рекс и Кузя заговорят. Но они спали... да и я уже начал засыпать... но вдруг услышал, как кто-то тихо спросил:

— Что же вы об этом думаете?

Этот голос... Нет, это говорил не Рекс и не Кузя. Жако? Конечно, он. Кроме меня, Рекса и Кузи в комнате никого не было. Спать мне сразу захотелось.

— Думай не думай, — узнал я голос Рекса, — чем помочь ему, не знаю.

— Да-а... — протянул Кузя. — Катька — это тебе не Люська плюс Женчик. Катька — крепкий орешек...

— О ком это вы там отзываетесь? — спросил Жако.

— О Катьке, — ответили Кузя и Рекс.

— Этот зверь угрожает нашему хозяину?

— Она хуже любого зверя, — вздохнул Рекс. — Мы с Кузей её хорошо знаем.

— Неужели нельзя найти на неё управу? — удивился Жако. — Не можем же мы допустить, чтобы она вредила Вите. Расскажите мне, в чём дело.

И Рекс рассказал. Ну и память у этого пса! Закончил он свой рассказ вопросом:

— Вы всё поняли, Жако?

— Попка не дурак, — ответил Жако. — Не вижу выхода... Как же может мальчик справиться с этой дурёхой, если сам директор школы бессилен? Не вижу никакого способа помочь мальчику.

— А между тем, — сказал Кузя, — такой способ есть!

— Вы говорите о... — встревоженно спросил Рекс. — О ней?

— Да, Рекс, именно о ней, о Стране невыученных уроков. Если бы Вите удалось заманить её туда...

— Что это ещё за страна? — спросил Жако. — Я никогда о ней не слышал.

— Долго рассказывать, — ответил Кузя. — Как-нибудь потом.

— Заманить в страну, — с сомнением в голосе отозвался Рекс, — не знаю... Её и сюда-то к нам домой не заманишь. Такая воображала...

— Ну что вы! — возразил Жако. — Сюда заманить можно. Я слышал, как Витя рассказывал своей маме, что эта Катька хорошо поёт...

— Ну, и что из этого? — спросил Кузя.

— Если Витя пригласит её в гости и попросит что-нибудь спеть...

— Глупо, — фыркнул Рекс, — ну придёт, ну споёт, а дальше что?

— Нет, — решительно сказал Кузя, — это хороший совет. Что будет дальше, я предвижу.

— Кузя! Что вы задумали? — громко рявкнул Рекс.

— Тише! — прошипел кот. — Разбудишь мальчика. Всё, разговоры окончены.

И они замолчали. Я понял Кузю. Старый кот

подал мне хороший совет. Если мне удастся... И я заснул, не додумав, что будет, если мне удастся...

Утром мама меня едва разбудила.

— Опоздаешь в школу! Что это ты так заспался? Поздно заснул?

— Нет. Как всегда, — ответил я. Быстро оделся, умылся, позавтракал и побежал в школу.

— О чём ты так задумался, Витя? — спросил меня учитель математики. — Я три раза повторил, чтобы ты шёл к доске.

— Простите, почему-то не слышал. — Я вскочил и побежал к доске.

— Может быть, ты нездоров? Так иди домой. Я вызову тебя в другой раз.

— Нет, нет, я здоров. — И, взяв мел, я быстро решил задачу.

— Ну вот, всё в порядке. Всё правильно. Сотри с доски и садись. А теперь пожалуйста к доске вы, сударыня, — обратился учитель к Кате.

Катя подошла к доске.

— Возьмите мел и пишите. Я продиктую вам задачу.

Катя записала задачу. Учитель подошёл к доске и, взглянув на неё, сказал:

— Сударыня, вам придётся нанять швейцара.

— Что? — удивилась Катя. — Нанять швейцара? Зачем?

— Затем, чтобы он открывал и закрывал скобки, которые вы забываете как открывать, так и закрывать.

Катя вспыхнула и принялась «открывать» и «закрывать» скобки.

— Ну, а теперь решайте.

Она долго стояла у доски — что-то писала, что-то стирала...

— Так, — протянул учитель. — Всё неверно. Садитесь, сударыня. Вы меня не удивили. Судя по журналу, вы пропустили много уроков и не позаботились выучить пропущенное.

Катя упрямо сжала губы и села на своё место.

Когда школьный день окончился и ребята стали расходиться, я подошёл к Кате.

— Хорошо мы сегодня отличились с тобой, Катя! — весело обратился я к ней.

— Как он смеет называть меня «сударыня»? — сердито вспыхнула Катя.

— Не обижайся, Катя, — попытался я успокоить её, — «сударыня» — это просто вежливое обращение к женщине. Старинное, правда, но ведь ты знаешь, что он любит пошутить. Расскажи лучше о своих успехах. Я слышал, что ты поёшь, как соловей.

Катя взглянула на меня, наверное, чтобы убедиться, что я не шучу.

— Я был бы рад послушать тебя. Я люблю музыку и пение. Собираю пластинки. К сожалению, у меня нет ни голоса, ни слуха. Так жаль! Ведь это большое счастье иметь хороший голос. Моя мама прилично играет на пианино. Мне так хочется, чтобы ты пришла к нам и под мамин аккомпанемент спела нам что-нибудь. Мы были бы тебе очень благодарны. Пойдём, а?

— Как, прямо сейчас? — удивилась Катя.

— Я живу почти рядом со школой, ты ведь была у нас. Споёшь что захочешь, доставишь нам большое удовольствие. Пожалуйста, Катенька, не отказывайся. Пойдём...

— Ну, я не знаю... — нерешительно ответила Катя.

— Пойдём, пойдём. — Настаивая, я взял её за руку и вместе с ней вышел из школы...

— А у нас гостя! — сказал я маме, когда она открыла нам дверь. — Это Катя.

— Здравствуй, Катенька! — ласково произнесла мама. — Рада, что ты нас навестила. Витька мне рассказывал, что ты хорошо поёшь. Это прекрасно! Пообедаешь у нас...

— Спасибо, но если я поем, то не смогу хорошо спеть, а Витя меня просил... И даже обещал, что вы мне будете аккомпанировать.

— С удовольствием, Катенька. Но вы же оба наверно хотите есть?

— Мама, — нетерпеливо перебил я, — мы в большую перемену поели в нашем буфете.

— Ну, тогда не будем терять время, пойдёмте в Витину комнату. Пианино там.

Когда мы вошли в мою комнату, Катя, увидев попугая, вскрикнула:

— Попка! Какой красавец! — Она протянула к нему руку и тут же опасливо отдернула её. — А он не клюнет?

— Попка не дурак, — произнёс Жако.

— Неужели он понял то, что я сказала? — удивилась Катя.

— Конечно, нет, — уверила её мама, — он только эти слова и умеет говорить и, конечно, не понимает их смысла.

«Если б ты знала, как умеет говорить Жако», — подумал я.

Мама села за пианино и спросила Катю:

— Что будешь петь?

— Я очень люблю стихи Лермонтова. Спою «Белеет парус одинокий». Вы знаете музыку?

— Конечно, — ответила мама и заиграла.

«Белеет парус одинокий в тумане моря голубом», — запела Катя. Я просто замер от восхищения. Какой чистый, прекрасный голос! Когда она закончила петь, мама встала, обняла её и расцеловала. На глазах у неё появились слёзы.

— Спасибо, дорогая, ты доставила мне, да и Вите наверное, большую радость. Я такого чудесного голоса никогда не слышала. Это Богом тебе данное сокровище. Я знаю, что ты отличница. Хорошо окончишь школу, надеюсь, с золотой медалью, и поступишь в консерваторию. Предрекаю тебе прекрасное будущее.

— Спасибо, — сказала Катя и тоже поцеловала маму.

— Ну, порадуй нас ещё, — попросила мама, — спой светик... Хочешь русскую народную?

И мама заиграла, а Катя запела:

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны
Выплывают расписные
Стеньки Разина челны...

Когда она допела до слов «мощным взмахом поднимает он красавицу-княжну и за борт её бросает»...

— А она кричит — тону! — спел попугай.

Катя и мама испуганно вскрикнули. А Жако как ни в чём не бывало продолжал громко петь:

Волга служит русским людям,
Волга наша благодать,
Так давайте же не будем
Её княжнами засорять.

— Это что же такое? — дрожащим голосом спросила у меня мама.

Я только плечами пожал.

— А вы говорили, — обиженно произнесла Катя, — он только три слова говорит, а оказалось, он просто хулиган какой-то. Такую песню испортить!

— Катя, он же не понимает, что говорит. Чему его обучит хозяин, то и говорит. Только не подумай, что это я его научил. У нас он совсем недавно. Наверно, у прежнего его хозяина так пели эту песню. Он и запомнил. Не сердись на Жако. Он только птица, — уговаривал я Катьку.

— Попка дурак! — крикнула Катя.

— Попка не дурак, — ответил попугай.

— Катя, ты чудесно пела. Не спеши домой, успеешь! — попросил я. — Хоть на полчаса еще останься.

— Хорошо, — согласилась Катя, — на полчасика и ни на минуту больше.

— Вот и хорошо, поболтайте без меня, — улыбнулась мама и вышла из моей комнаты.

— А ты знаешь, Катя, кто такой Стенька Разин, о котором ты так чудесно пела? — спросил я.

— Конечно, знаю, — сердито ответила Катя, — но меня ни он, ни его история нисколько не интересуют. Я теперь живу музыкой и вокалом.

— Но ведь школу-то придётся окончить, — сказал я, — вспомни, что тебе только что моя мама говорила...

— А ты давно такой умный стал? — язвительно спросила Катя. — А я, если даже брошу школу, всё равно стану певицей. А у тебя нет никакого таланта, и ты знаешь, что многого в жизни не добьёшься, если не окончишь школу с хорошим аттестатом зрелости, а потом какой-нибудь институт, а потом потянешь лямку. А я уже солистка в детском хоре. Ты плохо учился, а потом спохватился и понял, что ожидает тебя в будущем, если не получишь аттестата зрелости. А чтобы все не удивлялись тому, что так изменилось твоё поведение, ты выдумал сказку про Страну невыученных уроков...

— Я её не выдумал! — возмутился я. — Я был в этой стране. Был! Даже два раза.

— Ну и врун же ты, Витька! Как тебе не стыдно так беспардонно врать. Был, да ещё и два раза! — засмеялась Катя.

— А хочешь, я тебе докажу, что эта страна не выдумка?

— Я не такая дура, как твой попка, чтоб поверить, — сердито огрызнулась Катя.

— Попка не дурак! — громко крикнул Жако.

— Дурак, хулиган и болтун, как его хозяин! — ещё громче крикнула Катя.

Меня охватило отчаяние. Я решился. Если ничего не выйдет, Катька осрамит меня на всю школу. Так будь что будет!

Я снял с полки учебник географии, положил его на стол. Кузя, внимательно следивший за мной, мяукнул; Рекс, наклонив голову набок, пристально смотрел на меня. Я видел, что он весь напрягся, как бы собираясь броситься на кого-нибудь.

— Дорогая География, — торжественно начал я, — простите, что я снова тревожу вас, но я очень прошу...

— Перестань валять дурака! — сердито закричала Катя. — Слушать противно! Я уйду! — И она направилась к двери.

«Всё пропало!» — пронеслось у меня в голове. Но в ту минуту, когда Катька взялась за ручку двери, комната внезапно озарилась зелёным светом, а учебник географии превратился в маленького человечка и сказал:

— Витя, я знаю, что ты задумал. И считаю, что поступаешь правильно. Катя, — обратился он к обмершей от страха и изумления девочке, — подойди сюда и возьми Витю за руку. Вы оба полетите в Страну невыученных уроков.

Катя как зачарованная подошла ко мне и взяла мою руку дрожащей от страха рукой.

— И я с ними! — крикнул Рекс и, вскочив со своего коврика, подбежал к нам.

— Разрешите и мне сопровождать детей, — попросил попугай.

— Да, — ответил человечек, — и ты, Жако, и ты, Рекс, полетите с ними и будете помогать детям и охранять их. Рекс! Ко мне!

Рекс подбежал к столу, и человечек протянул ему маленький платочек. Рекс понюхал его.

— Не ошибёшься? — спросил хозяин платка.

— Я хорошо запомнил запах, — ответил Рекс.

— Отлично! Когда я скажу «Три!», вы — Витя, Катя, Рекс и Жако — вылетите в окно и приземлитесь в Стране невыученных уроков.

— Я... я не хочу, я боюсь! — закричала Катя, сильно сжимая мою руку.

— Раз! — крикнул человечек. — Два! Три!

— Удачи! — крикнул Кузя.

Широкое окно моей комнаты распахнулось, и мы с Катей вылетели. Катя закричала, судорожно глотая воздух и до боли сжимая мою руку. Рекс обогнал нас и летел впереди. Жако так крепко вцепился, что я чувствовал, как он царапает сквозь рубашку моё плечо.

Я как мог утешал Катю.

— Не смотри вниз, — советовал я ей, — не бойся. Мы скоро приземлимся. Ничего плохого с нами не случится. Я два раза побывал там и, как видишь, жив-здоров.

— Ты негодяй! — кричала Катя, не слушая меня. — Мне нельзя волноваться. У меня может пропасть голос.

— Будешь так орать, — крикнул Жако, — голос обязательно пропадёт, и мир лишится знаменитой певицы!

— Попка — дурак! — крикнула Катя.

— Попка не дурак! — ответил Жако.

«Ну и трусиха же эта Катька, — подумал я. — Люська была куда храбрее».

Вскоре мы стали снижаться и мягко приземлились в большом, прекрасно ухоженном саду.

— Где мы? — испуганно спросила Катя, не выпуская моей руки.

— Мы там, где нам и надо было приземлиться, судя по запаху, — ответил Рекс, — и, если вы не устали от полёта, пойдёмте, я вас выведу на аллею.

И мы пошли за Рексом.

— С нами ничего не случится? — шёпотом спросила Катя.

— Успокойся наконец, — посоветовал я ей, —

перестань дёргаться, а не то в самом деле потеряешь голос.

— Тихо! — сказал Рекс. — Я слышу, кто-то идёт. — Он забежал, нюхая землю, и прибавил: — Человек и собака.

Вскоре в конце аллеи показалась полная женщина в длинном белом платье, с кружевным чепцом на голове. Она шла нам навстречу. Собака бежала впереди неё.

— Левретка, — сказал Рекс.

Когда мы подошли близко к женщине, она остановилась, вынула из сумочки лорнет и внимательно осмотрела нас. Откуда ни возьмись с двух сторон выбежали вооружённые стражники. Катя испуганно взвизгнула.

— Оставьте детей в покое, — властно сказала дама.

Стражники поклонились ей и удалились.

— Откуда вы, дети? — ласково спросила она. — Вы хотите что-нибудь попросить у меня?

Рекс в это время подбежал к левретке и, виляя хвостом, стал её обнюхивать.

— Нет, нет, — поспешил ответить я. — Мы...

«Как бы ей объяснить, откуда мы?» — подумал я и замолчал, не зная, что сказать.

— Ваше императорское величество, — нарушил молчание Жако, — не велите казнить, велите миловать за невольное вторжение в ваши владения. Мы, не удивляйтесь, ваше величество, если мой ответ покажется вам странным, — мы из будущего.

— Что? — изумилась дама. — Откуда ты, попугай, знаешь, что я императрица?

— Ваше величество, мой прежний хозяин был историком. Он часто говорил своим ученикам о вашем необычайном уме, называл вас великой са-

модержицей. В его книгах я видел ваши портреты и поэтому сразу узнал вас, великая Екатерина Вторая.

— Лыстец, — улыбнулась Екатерина. — Скажи, пожалуйста, что значат твои слова «мы из будущего»? Может быть, ты, мальчик, ответишь?

— Постараюсь, ваше величество, — сказал я. — Мы живём в две тысячи первом году. Попали к вам, как бы это сказать... силой волшебства...

— И кто же царствует в вашем две тысячи первом году в России? — с любопытством спросила Екатерина.

— У нас нет царя. Есть президент, правительство и Дума.

— Невероятно! Непременно напишу Вольтеру, — задумчиво и тихо промолвила императрица. — И вы тоже, дети, знаете обо мне?

— Конечно, знаем, — ответил я. — Мы же изучаем историю России. Мы знаем, что из всех российских императоров только вы, ваше величество, и Пётр Первый названы великими.

— Спасибо, мальчик, — улыбнулась Екатерина. — Скажи мне, наша Россия всё ещё великая держава?

— Да, ваше величество. Она была и всегда будет великой державой.

— Вы школьники? И хорошо учитесь? — спросила она.

— Витя — отлично, — сказал Жако, — а вот Катя...

— Она прекрасно поёт, — перебил я Жако, боясь, что он начнёт рассказывать о двойках Кати.

— Катя? — улыбнулась императрица. — Так ты моя тёзка... Спой мне что-нибудь.

И Катя слегка дрожащим голосом запела:

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны...

— Только не это! — испугался я.

Катя замолчала.

— У неё болит горло, — чтобы как-то исправить неловкость, соврал я.

— Смотрю я на вас, дети из будущего, стараюсь понять... Да ладно, не об этом речь. Вспоминаю себя в юности...

— Расскажите, сделайте милость, ваше величество, — попросил Жако.

— Когда меня, принцессу бедного немецкого княжества, привезли в Москву, чтобы выдать замуж за наследника императрицы Елизаветы Петра Третьего, — медленно начала Екатерина, — мне было всего пятнадцать лет. И я ни одного слова по-русски не знала. Ко мне приставили троих учителей. Симона Тодорского для наставления в греческой вере, Василия Ададунова для изучения русского языка и балетмейстера Ланге, который учил меня танцевать. Я понимала, что мне надо как можно скорее выучить русский язык. Вставала по ночам и, сидя в постели, зубрила наизусть тетради, которые давал мне Ададунов.

Она задумалась и замолчала.

— А потом... — начала Екатерина и снова задумалась.

— А потом вы простудились и опасно заболели, — тихо подсказал ей я.

— Откуда ты знаешь? — удивилась Екатерина.

— Я прочёл книгу «Записки императрицы Екатерины Второй». Очень интересная книга. Я знаю, что вы даже пьесы писали. Папа подарил мне на Новый год ваши «Записки».

— А не знаешь ли ты, умный мальчик, — спросила Екатерина, — в каком году издали мои записки? Боюсь, что ты не сможешь ответить на этот вопрос.

— Почему не смогу? — возразил я. — Смогу. Их издали в 1990 году. В Москве. Я даже помню, что раньше эти ваши записки издавала в 1860 году вольная типография Герцена и Огарёва в Лондоне.

— Однако и память же у тебя! — похвалила меня Екатерина. — Вот уж не мечтала, что мои записки будут издавать и читать в таком далёком будущем... Даже дети. Ты меня порадовал, мальчик. Позвольте же мне дать вам совет, дети. Учитесь, не ленитесь. Попугай сказал, что ты хорошо учишься. Приветствую твоё рвение к знаниям. Надеюсь, что и моя тёзка Катя тоже не ленится. Ещё могу вам посоветовать...

Но договорить императрице не пришлось. К ней, запыхавшись, подбежал офицер.

— Ваше величество! — едва переведя дух и низко кланяясь императрице, сказал он. — Пришла срочная депеша... Пугачёв... — И он замолчал, с удивлением уставившись на нас.

— Иду! — встревоженно проговорила Екатерина и быстро пошла к дворцу. Левретка побежала за ней. Офицер почтительно шёл за императрицей.

— Ваше величество! — крикнул Жако. Екатерина остановилась и обернулась, глядя на попугая. — Не извольте беспокоиться, ваше величество. Из достоверных источников сообщают: Пугачёв на днях будет схвачен.

— Спасибо за добрую весть, — улыбнулась Екатерина. — Прощайте, дети! Возвращайтесь в своё будущее и помните мой совет: науки необходимы, России нужны образованные люди!

Она помахала нам рукой и скрылась во дворце.

— Пошли, — сказал Рекс. — Больше мы её не увидим. Следуйте за мной. Запах зовёт в дорогу. — И он побежал по аллее, а мы пошли за ним.

— Ты мне дашь почитать записки Екатерины Второй? — спросила Катя.

— Конечно. Как только вернёмся. А если они тебя заинтересуют, я ещё принесу тебе записки княгини Дашковой, которая была подругой Екатерины Второй. Это тоже замечательная женщина — прекрасно образованная для своего времени. Она возглавила первую российскую Академию наук.

— Витька, скажи честно, откуда ты всё это знаешь?

— Папа мне рассказывал и дарил книжки об истории России. Потом я уж и сам искал редкие книги в библиотеках...

Катя задумалась и остановилась.

— Рекс! — крикнул я. — Ко мне!

— Что тебе надо? — спросил Рекс. — Неужели Катя уже устала?

— Не в этом дело, — ответил я. — Мне хочется знать, куда ты исчез, когда мы разговаривали с императрицей?

— Извини, хозяин, — сказал Рекс и завилял хвостом. — Но я тоже разговаривал с левреткой императрицы.

— И что же она тебе рассказала интересного о своей хозяйке? Поделись с нами.

— Она сказала, что императрица Катя встаёт рано утром, работает, читает докладные своих чиновников, переписывается с французскими философами Вольтером и Дидро (если я правильно запомнил). Весь её день и вечер расписаны. Занятий у неё много. Государственные дела! Она только по утрам немного прогуливается по аллеям со своей

левреткой. Ну, а что мы стали? В дорогу! Из всего этого я понял, — заключил свой отчёт Рекс, — что учение и труд сделали её великой и мудрой. Катя, не отставай.

— Труд и учение сделали её великой, — повторил я, — а ты, Катя, мечтаешь стать великой певицей и, вместо того чтобы стараться окончить школу с золотой медалью, превратилась в двоечницу и вообще собираешься бросить школу.

— Я поступлю в консерваторию, — сказала Катя.

— Без аттестата зрелости с хорошими отметками ни в какую консерваторию тебя не примут, — возразил я.

— С моим голосом примут, — неуверенно сказала Катя и через минуту молчания добавила: — Может быть...

— Не может быть. Не надейся! — ответил ей Жако.

— Хватит разговоров, — перебил меня Рекс. — Запах зовёт в дорогу. За мной!

И мы молча отправились за Рексом. Куда — сами не знаем!

Шли долго, издали видели домики, но Рекс к ним не приближался, и наконец пришли в какое-то село. Уже вечерело. Я подошёл к маленькой избушке. Рекс остановился.

— Я так устала, что даже перестала бояться, — тихо произнесла Катя. Мне стало её жаль. — Постучим в окошко? — спросила она. — Хотя нет. Вдруг там живут разбойники.

— Ну и трусиха же ты! — проворчал Рекс. — Стучи, хозяин, ручаюсь, что никаких разбойников там нет.

Я негромко постучал в окошко. Через несколь-

ко минут дверь медленно открылась, и на пороге мы увидели бедно одетую старушку.

— Здравствуйте, бабушка, — несмело проговорила Катя. — Простите, что вас побеспокоили. Но мы так устали.

— И-и, милая, — ласково ответила старушка, — заблудились вы, что ли?

— Немного заблудились, бабушка, — соврал я. — Не пустите ли к себе отдохнуть и переночевать?

— Заходите, детки, заходите, — пригласила старушка, — я людям рада. Живу одна, слова не с кем вымолвить. Только вот бедно у меня, не обессудьте. Нечем вас и попотчевать.

— А мы есть не хотим, — за всех ответила Катя и первая вошла в избушку.

— Вижу я плохо, детки, вы уж не обессудьте, если что не так... но кумекаю, не крестьянские вы дети. И что это за птица такая диковинная у вас? Не клюнет?

— Нет, бабушка, она смирная, и пёс наш не укусит.

— Вот и хорошо, отдохайте. Беспокоить не буду. А спать захотите, так я постелю. Барышне на лежанке, а уж вам, батюшка, придётся на печь залезть — больше некуда. А я и в сараюшке выплусь.

— Да вы не хлопочите, — попросил её я. — Мы засветло уйдём. Скажите лучше, куда мы забрели.

— Скажу, скажу, родимый. Я всё кумекаю, куды бы мне птицу вашу...

— Не беспокойтесь, мадам, — учтиво произнёс Жако. — Я сам найду себе место.

— Свят, свят, свят! — залопотала, перекрестившись, старуха. — Чудеса какие, прости Господи!

— Да вы не пугайтесь, — засмеялась Катя, — это учёная птица, говорящая. Знаете, бывают такие птицы, сороки, например.

— Фу ты, слава Богу, а я-то, глупая, до чего перепугалась. Ты, милоч, — обратилась она ко мне, — спросил, куды вы ненароком забрели? Так я тебе вот что скажу. Губерния наша Пензенская, а село — Тарханы. Живут тут не только такие убогие, как я. А есть и кое-кто почище. В хорошем богатом доме живёт помещица наша Елизавета, Алексеевна по батюшке, а по фамилии Арсеньева. И у ей внучонок Мишенька воспитывается. Мамаша его представилась, а отец бог весть где обретается. Вот бабушка и лелеет Мишеньку.

— А фамилия Мишенькиного отца не Лермонтов ли случайно? — спросил я.

— Отколь она тебе ведома? — ответила вопросом на вопрос старушка.

— Слышал как-то. Бабушка, я устал с дороги, память немного отшибло. Я даже забыл, который сейчас год.

— Год у нас... не то 1817, не то 1818 — уж ты не серчай, мне-то оно ни к чему...

Катя изумлённо всплеснула руками, но я сделал ей знак, и она успокоилась.

Старушка постелила нам и, пожелав спокойной ночи, ушла спать в сарайчик.

— Ты понимаешь, куда мы попали? — спросил я Катю. — Тарханы! А помещица — это же бабушка Лермонтова.

— Витька! — восторженно воскликнула Катя. — Дошло! Мы попали в Тарханы! Может быть, мы увидим Лермонтова? Я бы спела ему его прекрасные стихи!

И она запела:

Нет, не тебя так пылко я люблю...

— Катенька! — перебил я её. — Ты забыла, что сейчас не то 1817, не то 1818 год. Так что Лермонтов сейчас ещё мальчик — Мишенька, как его назвала наша хозяйка... Он ещё не написал эти чудесные стихи.

— Мне так хочется повидать его! Как ты думаешь, это случится?

— Кто знает, — вздохнул я. — Или да, или нет. Это уж как повезёт!

— Я знаю много стихов Лермонтова наизусть, — со вздохом сказала Катя, — он мой любимый поэт. А ты знаешь хоть одно его стихотворение наизусть?

— Конечно, знаю, — ответил я.

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты...

— Замолчи! — сердито крикнула Катя и даже топнула ногой. — Как тебе не стыдно! Это Пушкин написал, а не Лермонтов.

— Ну вот, уж и пошутить нельзя. Конечно,

знаю, что это не Лермонтов написал, я просто хотел проверить тебя...

— Врёшь! — сказала Катя. И была права. Я и в самом деле думал, что это стихи Лермонтова.

— Значит, ты непременно хочешь видеть Лермонтова таким, каким он был в детстве? — спросил я.

— Да, это моё большое желание, — мечтательно сказала Катя.

— Катя, давай спать. Завтра Рекс разбудит нас ни свет ни заря. Спокойной тебе ночи!

— Спокойной ночи, Витя! Нет, подожди... не спи. Знаешь, что меня мучает? Ведь мы с тобой исчезли из нашего города. Ты представляешь, как волнуются наши родители? Наверно, нас уже ищет милиция.

— Успокойся, Катя, в Стране невыученных уроков время течёт не так, как у нас. Я дважды возвращался из этой страны, и мама ни разу не спросила меня, где я был. А ведь она, если я хоть на час задержусь в школе, очень волнуется.

— Ты не врёшь?

— Честное слово, не вру. Спать! Спать, Катя, нам ещё предстоит дальняя дорога.

— Спокойной ночи! — отозвалась Катя.

Мы уснули.

Рекс разбудил нас рано утром. Мы простились с доброй старушкой и покинули её избушку.

— В дорогу! — нетерпеливо крикнул Рекс. — Я чую запах. За мной!

И мы покорно пошли за ним.

— Вот пройдем мимо этих мальчишек, которые играют вон там, и выйдем на дорогу, которая нас зовёт, — сказал Рекс.

— Ладно, Рекс, помолчи. Я хочу сказать тебе,

Катя, — заговорил Жако, сидя у меня на плече, — что Михаил Лермонтов хорошо учился. Даже не хорошо, а отлично. Ему было всего тринадцать лет, когда он поступил сразу в четвёртый класс Московского университетского Благородного пансиона. Как видишь, талант не помешал ему учиться. Понятно?

— Ты-то откуда это знаешь? — возмутилась Катя. — Тебя тогда на свете не было! Ты...

— Это тебя не было на свете, — перебил её Жако, — ты ведь не знаешь, что попугаи живут до трёхсот лет, не то что вы, люди. А я в то время, когда Миша Лермонтов учился в этом Московском университетском пансионе, жил у одного из его учителей. И помню, как он восхищался этим одарённым и прилежным мальчиком. «Миша Лермонтов будет великим поэтом», — говорил мой хозяин. И, как видишь, не ошибся.

— Не верю! — упрямо сказала Катя и запела.

Мальчишки, играющие в чехарду и орущие во всю глотку, сразу умолкли и замерли, слушая Катяно пение.

Среди бедно одетых крестьянских ребят выделялся невысокого роста мальчик в хорошем костюме. Он отошёл от своих сверстников и приблизился к нам. Катя замолчала и не спускала с него глаз.

Меня удивили его волосы. Среди тёмных прядей — белокурая прядь. Его большие чёрные глаза пристально смотрели то на меня, то на Катю.

— Это он, — прошептала Катя.

— Он, — подтвердил я.

— Я не смею заговорить с ним.

— Я тоже, — прошептал я.

Окно барского дома раскрылось. В окне показалась пожилая женщина.

— Мишенька! — закричала она. — Иди завтракать, поспеши, мой дружок.

— Сейчас, бабушка, — ответил мальчик.

— Уходим, — шепнул мне Рекс. — За мной.

— Пошли, пошли, Катя, — поторопил её я и зашагал за Рексом.

Мальчик пошёл домой, но несколько раз останавливался и оглядывался на нас. Через несколько минут мы миновали Тарханы и зашагали по просёлочной дороге.

— Вот и сбылось твоё желание, Катя, — сказал я.

— Да, — задумчиво ответила Катя. — Я этого никогда не забуду. А ты не знаешь, почему он так пристально нас разглядывал, но не подошёл к нам, не сказал ни слова?

— Не знаю, — признался я.

— А я знаю, — сказал Жако, — он ведь большой фантазёр. Он был уверен, что ему это всё пригрезилось... вспомните, когда он пошёл на зов бабушки в дом, он три раза оглянулся, ища нас. Но по выражению его лица было заметно, что он нас уже не видит.

— Может быть, ты и прав, Жако, — задумчиво произнесла Катя и, оглядевшись вокруг, спросила: — Мы опять идём в лес?

— Туда-то я вас и веду, — отозвался Рекс. — Видите? Под большим деревом шалаш из веток. Вот там и отдохнёте.

В шалаше было довольно просторно. Катя сразу повалилась на траву, устала. Рекс растянулся у входа в шалаш. Жако взлетел на ветку дерева.

— Люська была куда выносливей, чем эта воображала, — ворчал пёс. — Думает, что если она красиво воет...

— Поёт, а не воет, — поправил его я. — Пере-

стань ворчать. Ты уже не щенок, а взрослый пёс, води себя хорошо.

Рекс обиженно умолк. Я погладил его по голове, и он лизнул мне руку.

— Мы скоро вернёмся домой? — спросила, зевая, Катя.

— Не торопись, девочка, — ответил Жако и, слетев с ветки, сел мне на плечо.

— Теперь, когда ты отдохнула, мы отправляемся в путь, — сказал Рекс и забегал, нюхая землю. Потом остановился, оглянулся на нас и рявкнул: — В путь! Я нашёл дорогу.

— Только не беги как сумасшедший! — крикнула Катя. — У тебя четыре ноги, а у нас только две.

Рекс что-то проворчал, но замедлил свой бег. Постепенно лес превратился в прекрасный парк с цветочными клумбами, деревья были аккуратно подстрижены. Вдали белели высокие дома.

— Стойте! — вдруг крикнул Жако. — Я узнал это место. Здесь когда-то побывал один из моих хозяев и сфотографировал этот парк. Это Царское Село! А в этом большом здании лицей.

— В котором учился Пушкин? — спросил я.

— Почему «учился»? — возразил Жако. — Он, наверно, ещё его не окончил. Посмотрите, у входа в музей собралось много карет. Вероятно, в лицее происходит какое-то необыкновенное событие...

— Я знаю! Я догадалась! — крикнула Катя. — Это выпускной вечер...

— Очень может быть, — согласился Жако.

— Смотрите, смотрите! — крикнул я. — Подъехала ещё одна карета... Из неё выходит какой-то старик...

— Какой-то старик! — насмешливо сказал Жако. — Да это же поэт Державин. Я видел его портрет в книге у своего хозяина. Но там он не такой дряхлый. Смотрите, как медленно подходит он к парадной двери, опираясь на плечо лакея.

— Как обидно, что мы не можем войти туда, — вздохнула Катя. — Я читала об этом выпускном вечере... Неужели мы так и не увидим Пушкина? — И она тяжело вздохнула.

— Пошли дальше? — спросил Рекс.

— Подожди, Рекс, — ответил Жако. — Я хочу сказать вам что-то важное... Правда, я не уверен, но попытаться можно... Один из моих ранних хозяев, а их у меня было немало за всю мою долгую жизнь... Да, что я хотел сказать? Ах да, так вот, этот мой хозяин, которого звали Махамед Али, умел превращать людей в невидимок...

— Не рассказывай сказки, — проворчал Рекс.

— Жако никогда их не рассказывает, — сердито оборвал Рекса попугай. — Так вот, если вы хотите войти в лицей...

— Но, насколько я знаю, — перебил я Жако, — для этого нужна шапка-невидимка, а во всех сказках она одна, а нас с Катей двое.

— Никаких шапок у Махамеда Али не было, — ответил Жако. — Он произносил какое-то древнее заклинание, которое в его семье передавалось от отца к сыну в течение многих лет. Наверное, Махамед Али, умирая, передал его своему сыну.

— К чему ты всё это говоришь? — нетерпеливо спросила Катя.

— К тому, — ответил Жако, — что я запомнил это заклинание, хотя не понимал слов, из которых оно состоит, и если вы с Витей очень хотите попасть на выпускной вечер в лицее...

— Конечно, хотим! — закричали мы с Катей.

— Я не обещаю, что это получится, — сказал Жако. — Прошло столько лет с тех пор, как я слышал это заклинание от хозяина... Может быть, я что-то забыл. Но попытаемся... — Витя, возьми Катю за руку. Так. Закройте глаза. Всеми силами души желайте стать невидимыми для человеческих глаз. И если всё получится, не бойтесь. Когда вы вернётесь, то обретёте себя. Готовы?

— Да! — сказали мы с Катей одновременно.

Жако произнёс на каком-то странном гортанном языке несколько непонятных фраз, помолчал, и я испугался, что он забыл какие-то волшебные слова, но Жако радостно вскрикнул и заключил своё заклинание длинной непонятной фразой.

— Откройте глаза!

— Куда ты дел детей? — испуганно закричал Рекс.

— Получилось! Молодец, Жако! — похвалил себя попугай. — Идите и старайтесь ни к кому

не прикасаться. Мы с Рексом будем ждать вас. Когда выйдете, не ищите нас. Мы сами вас найдём.

— Что ты сделал с моим хозяином и с этой девчонкой? — грозно зарычал Рекс.

— Успокойся, — ответил Жако. — Я люблю его не меньше, чем ты. Дети скоро вернутся невредимыми.

О чём они говорили дальше, мы с Катей не слышали. Подбежав к зданию лица, мы поднялись по лестнице, вошли в большой зал и стали у стенки, чтобы никого не задеть. Зал был переполнен. На стульях важно восседали пышно одетые дамы, мужчины в таких же костюмах, какие были у артистов в опере «Евгений Онегин», которую я видел в театре.

За длинным столом сидели мужчины. И среди

них мы заметили старика, которого Жако назвал поэтом Державиным. Он весь подался вперёд, напряжённо и радостно слушая кудрявого лицеиста, приложив ладонь к уху.

— Узнаёшь? — шепнула мне на ухо Катя. — Ой, я сейчас умру! Это же Пушкин! Слушай!

Звонкий голос, выразительное чтение околдовали нас. Мы пропустили начало и только вот что услышали:

С холмов кремнистых водопады
Стекают бисерной рекой,
Там в тихом озере плескаются наяды
Его ленивою волной...

Мы дослушали до конца вдохновенные стихи кудрявого юноши.

Державин поднялся со стула и стал медленно подходить к Пушкину. Старик был взволнован, он хотел, видимо, обнять юного поэта, но Пушкин вдруг неожиданно для всех выбежал из зала и скрылся.

— Мы догоним его, — сказал один из учителей Державину.

Но старик понял душевное волнение поэта и остановил учителя.

— Оставьте его поэтом, — тихо произнёс Державин.

Мы с Катей выбежали вслед за Пушкиным, но больше его не увидели.

— Он читал «Воспоминания о Царском Селе», — сказал я Кате.

Рекс бежал к нам. Жако слетел с ветки и сел мне на плечо.

— Видели поэта Державина? — спросил Жако.

— Мы видели самого Пушкина! — ответила Катя. — Спасибо тебе, Жако.

Мы наперебой стали рассказывать Жако и Рексу о том, как вдохновенно читал свои стихи Пушкин и как почему-то он убежал.

Жако выслушал нас и сказал:

— Мой хозяин рассказывал мне об этом выпускном вечере лицея. Он ещё вспоминал, что Пушкин потом написал такую эпигramму:

Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, — благословил...

Мы помолчали немного. И вдруг Катя произнесла:

— Я не жалею, что попала в Страну невыученных уроков. Я видела Лермонтова и Пушкина...

— Ой, не скажи гоп, пока не перескочишь, — ни к селу ни к городу пробормотал попугай.

Как впоследствии оказалось, это его высказывание было «и к селу, и к городу».

Катя не обратила внимания на предупреждение Жако и тихо сказала:

— Когда я выучусь хорошо петь, я спою все романсы Пушкина и Лермонтова, к которым написана музыка.

— Вы долго собираетесь тут торчать? — сердито спросил Рекс. — Я нашёл нужную дорогу. Прекратите болтовню и идите за мной.

И он, не дожидаясь нашего согласия, побежал. Мы молча отправились за ним.

Шли мы долго, отдыхая только тогда, когда Рекс останавливался и обнюхивал дорогу. Наконец он опять привёл нас в какой-то густой лес.

— Как хочешь, Рекс, я больше идти не могу, — решительно заявила Катя.

— Что с тобой поделаешь, — рявкнул Рекс. — Будем отдыхать. Давай, Витя, натаскаем валежника, положим его кругом и заберёмся в серединку, отдохнём. Какая-никакая, а всё же защита. Кто знает, что за звери водятся в этом лесу.

Пока Катя отдыхала на густой траве, мы с Рексом натаскали валежника и положили его кругом.

— Ну вот, — сказал я, — «крепость» готова. Можно и отдохнуть.

Я прыгнул в круг. Жако, который наблюдал за нашей работой, слетел с ветки мне на плечо.

— Отдыхайте, — сказал Рекс мне и Кате, — я постерегу вас.

— Интересно, куда это мы попали? — спросила Катя.

Никто ей не ответил, потому что никто из нас этого не знал.

Вскоре мы услышали, как кто-то пел. Вначале голос звучал тихо, потом всё громче и громче. Кто-то подходил к нашей «крепости» или, на что я надеялся, проходил мимо, не заметив её. Песня была мне знакома.

Девичий голос пел:

О смелом парне будет речь,
Что звался Робин Гуд.
Недаром память смельчака
В народе берегут.

Но дом его сожгли враги,
И Робин Гуд исчез —
С ватагой доблестных стрелков
Ушел в Шервудский лес.

Голос доносился всё тише и тише. Наверное, она прошла мимо, не заметив нас.

Я успокоился, но вдруг услышал чей-то шёпот. Я привстал, огляделся и увидел, что вокруг нашей крепости разлеглись молодые парни. Возле каждого лежали лук и колчан со стрелами. Кто это? О ком пела девушка? Парни тоже встали, и каждый взял свой лук.

Я припомнил слова баллады и громко запел:

Голодным Робин помогал
В неурожайный год.
Он заступался за вдову
И защищал сирот.

А Катя подхватила и своим чудесным голосом запела:

И тех, кто сеял и пахал,
Не трогал Робин Гуд:
Кто знает долю бедняка,
Не грабит бедный люд!

Самый рослый и красивый стрелок протянул мне руку.

— Как звать тебя, мальчик? — спросил стрелок.

— Меня зовут Виктор, — ответил я, пожав его руку.

— А меня... — начал он, но я его перебил:

— А вас — знаменитый Робин Гуд. Угадал?

— Угадал, — усмехнулся Робин. — Откуда ты взялся и как попал один в Шервудский лес?

— Я не один, со мной моя соученица Катя, собака Рекс и попугай Жако.

— Хорошая компания! — засмеялись стрелки.

— Но ты не ответил на мой вопрос: откуда ты и твои спутники и кто ты такой?

— Боюсь, что вы не поверите мне, но, клянусь, я буду говорить чистую правду. Откуда я? Из России. Кто я? Ученик шестого класса московской школы № 115. Катя — тоже ученица этой же школы и этого класса. Рекс, моя собака, — овчарка, Жако — мой попугай. А как я попал сюда? Меня, Катю и Рекса с Жако отправил в Страну невыученных уроков учебник географии.

— Ну и заливает! — расхохотались стрелки. Робин Гуд не смеялся.

— Вы ещё больше будете надо мной смеяться, если я скажу, что мы живём в 2001 году, в то время как у вас или 1154-й, или, может быть, 1155-й, или 1156-й год.

Стрелки расхохотались ещё громче.

— Мальчик говорит чистую правду, — сказал Жако.

Стрелки испуганно переглянулись.

— Здесь дело нечисто, — робко промолвил один из них.

— Здесь всё совершенно чисто, — ответил Жакко. — Это же Страна невыученных уроков, а в ней всё возможно. Поверьте, мальчик не лжёт.

— Неужели помнят люди о Робин Гуде в 2001 году? — спросил Робин Гуд.

— Конечно, помнят. Мы учим историю Англии, — ответил я. — А память о Робине Гуде будет жить вечно.

— И ты знаешь всё о короле Генрихе Втором? — спросил Робин Гуд.

— Ну, может быть, и не всё, но знаю, что он основал династию Плантагенетов.

— И почему так называется эта династия, ты тоже знаешь?

— Это произошло от названия веточки плантагенета. Отец Генриха, граф Анжуйский, вешал её на свой шлем, — ответил я.

— У Вити по истории одни пятёрки, — сказала Катя.

— А у вас, мисс? — спросил Робин Гуд.

Катя замялась. Потом взяла себя в руки и произнесла:

— А у меня пока нет. Но надеюсь, что догоню Витю.

— А что такое пятёрка? — спросил один из стрелков.

— Это лучшая отметка за знания изучаемого предмета, — ответила Катя.

— А что ты знаешь о Генрихе Втором и его реформах? Впрочем, нет, не говори. Я и слышать о нём не хочу.

— Хорошо, — сказал я, — не буду портить вам настроение и ничего не скажу об этом грубом, несправедливом и жестоком человеке, что при его образованности особенно дико, ведь он знал шесть языков...

— Но он не знал английского языка, — хмуро перебил меня Робин Гуд. — И хватит о нём. Прощайте, дети. Я рад был познакомиться с вами. Пошли! — крикнул он своим стрелкам, и все они послушно вскочили на ноги.

— Удачи вам, Робин Гуд! — закричал я им вслед.

Робин Гуд помахал нам рукой, и вскоре ни его, ни стрелков в лесу не было.

— И долго вы тут собираетесь сидеть? — спросил Рекс. — По-моему, нам пора в путь.

Катя неохотно поднялась, и мы покорно поплелись за Рексом.

— И сколько правил династия Плантагенетов? — спросила Катя.

— С 1154 по 1189 год, — ответил я.

— Ну и память у тебя, Витька, — вздохнула Катя.

— У тебя не хуже. Если бы ты не пропустила занятий в школе и продолжала учиться как раньше, когда тобой гордился весь наш класс, ты бы знала не меньше меня, а может, и больше.

— Хватит ворчать, — недовольно сказала Катя. — Не дура, сама понимаю. Ты лучше скажи, что это делается с Рексом?

Рекс вертелся, бегал кругами и старательно нюхал землю.

— Потерял свой знаменитый нюх, — пробормотал Жако.

— Найдёт, — успокоил я попугая.

Вдруг Рекс издал торжествующий визг и обернулся к нам.

— За мной! — крикнул он.

Мы миновали лес. Местность менялась на глазах. Вместо серого мрачного неба, которое мы видели в Шервудском лесу, над нами засияло ярко-голубое небо, по которому проплывали маленькие белые облачка. Вскоре мы услышали плеск воды, прошли ещё немного.

— Смотрите! — закричала Катя. — Что-то блестит вдали. Куда ты ведёшь нас, Рекс?

— Если бы я знал, — рявкнул Рекс. — Я веду вас туда, куда зовёт меня запах.

— Смотрите! — опять крикнула Катя. — Волны! Да это же море! Наверно, мы попали в Сочи.

— Да, это море, — сказал Жако. — Голубое небо, голубое море, жаркое солнце... Только это не Сочи, Катя. Это прекрасная Италия.

Мы подошли к берегу. Волны тихо плескались.

— На берегу никого не видно. Наверно, сейчас раннее утро. Солнце только что взошло, — предположил я.

— Как это — не видно никого? — проворчал

Жако. — Вон там, на камне, сидит человек. Подойдём к нему поближе...

Человек сидел спиной к нам.

— Какой странный на нём костюм — халат не халат... Люська бы сказала «клёвый прикид», — проворчал Рекс.

— Ты знаешь, Рекс, что я терпеть не могу этих дурацких слов, — рассердился я.

— Но не я же их выдумал, — проворчал Рекс, — сам слышал по телевизору, в рекламе...

— Это не халат и тем более не «прикид». Это хитон, невежды! — пояснил Жако. — Послушаем, о чём говорит этот человек.

Мы притихли. Незнакомец встал, гордо выпрямился, вытянул вперёд руку и слегка закинул голову. Звучным, красивым голосом он стал читать стихи:

Был мной обманут Изеграм,
Теперь уж он непримирим.
В доверье втёрся я к нему,
Но скоро в злую кутерьму
Хитро ввёл друга своего,
Монахом сделал я его.

Прочтя эти стихи, он вынул из кармана своего хитона не то книгу, не то тетрадь и стал что-то писать.

— А кто такой Изеграм? — спросила меня Катя.

— Не знаю, — ответил я.

— Хоть что-то ты не знаешь, — съязвила Катя. — Ну а ты, Рекс?

— Нашла кого спрашивать, — сердито ответил Рекс.

— Я тебе отвечу, Катя, — сказал Жако. — Изеграм — это собственное имя волка. А свои

стихи и отрывок из поэмы «Роман о Лйсе» читал великий поэт Средневековья Данте Алигьери. Запомните это имя. Самое знаменитое его произведение называется «Божественная комедия». Какое счастье, что вы его встретили...

— Данте Алигьери! — продолжал Жако. — Этот великий поэт родился в одном из самых прекрасных городов Италии — Флоренции. Мне выпало счастье побывать с моим хозяином в этом чудесном городе.

— Жако, твой хозяин брал тебя с собой, когда уезжал из дома?

— О да! Он никогда не расставался со мной. До самой своей смерти... Но поговорим о Данте. В каком же году он родился?... Неужели я настолько состарился, что мне изменяет память? Минуту... Ага! Вспомнил! Данте родился в 1265 году. Он был с детства очень умён и любознателен. Его интересовали науки. Он изучал философию, астрономию, литературу древних писателей. Но не только изучение наук его занимало. Политикой он тоже интересовался. Насколько я помню, он даже как-то выступал против Папы.

— Против папы? — удивился Рекс. — У него был злой папа?

— Рекс! — возмутился я. — Даже Люська такой глупости бы не сказала! Жако имел в виду Папу Римского. Как тебе не...

— Оставь его, Витя, — перебил меня Жако.

— Расскажи ещё что-нибудь о Данте, — попросила Катя.

— Самое главное, что написал Данте, — сказал Жако, — это его знаменитая «Божественная комедия».

— Наверное, что-нибудь смешное, весёлое? — спросила Катя. — Ведь слово комедия...

— О нет, — перебил её Жако, — весёлого и тем более смешного в ней ничего нет. «Божественная комедия» — это путешествие в загробное царство. Не ждите, что я стану вам рассказывать, о чём говорится в этом великом произведении. Подрастёте — прочтёте сами.

— Ты знаешь, Жако, — задумчиво сказала Катя, — что удивляет меня здесь больше всего? Ведь мы говорили с Робинотом Гудом, слышали, как читал свои стихи Данте... Но ведь они не знают русского языка. Как же мы понимали?

— Пусть тебе на этот вопрос ответит Витя, — предложил Жако.

— Катя, ты забыла, где мы находимся? — спросил её я.

— Вот в чём дело! Ты прав. Это же Страна невыученных уроков. Ведь я не выучила столько уроков...

— Всё поправимо, девочка, — подбодрил её Жако.

— Самое главное, что ты постепенно сама это поняла, — добавил Рекс.

— Ну, это не твоё собачье дело! — вспыхнула Катя.

Рекс в долгу не остался.

— Иногда некоторые собаки бывают умнее и благодарнее, чем некоторые девочки, — проворчал он.

— Один из моих бывших хозяев сказал, что... — начал было Жако.

— Жако! — перебила его Катя. — Ты всё говоришь о своих бывших хозяевах. Сколько же их у тебя было? Ты что, не уживался с ними?

— О нет, — грустно ответил попугай, — я хорошо уживался с ними, но жизнь человека короче, чем жизнь попугая... Я переживал своих

хозяев... Надеюсь, что тебя, Витя, я не переживу...

— Долго мы будем тут отсиживаться? — сердито спросил Рекс. — Я уже давно нашёл дорогу и всё не дождусь, когда вы закончите свои разговоры. Идите за мной. — И он быстро пошёл по дороге.

Мы поплелись за ним. Так не хотелось уходить от этого тёплого голубого моря... Я мечтал поплавать, но Рекс был неумолим.

— Как вы думаете, дети... — начал попугай, сидя на моём плече (он не умел долго молчать).

— О чём? — спросила Катя.

— О чём, о чём, — проворчал попугай. — Сейчас придумаю, о чём... Ага! Задаю вопрос: как вы считаете, какую форму имеет земля?

— Какая земля? — спросил Рекс, оглянувшись на нас. — По которой мы идём?

— Не тебя я спрашиваю, пёс, — огрызнулся Жако, — не тебя, а детей. А имею я в виду нашу планету Землю.

— Ну ты даёшь! — возмутилась Катя. — Неужели мы не знаем, что земля круглая... как шар.

— Неужели ты, Жако, который так много знает, сомневаешься в этом? — спросил я.

— Я-то в этом никогда не сомневался, — ответил Жако, — но было время, когда люди думали иначе. А могущественное в те времена духовенство утверждало это. И жестоко карало тех, кто думал иначе. Духовенство считало правильным учение Птолемея. Был такой лжеучёный, утверждавший, что Земля неподвижна и находится в центре мира. Они подтверждали своё ошибочное заключение тем, что Библия не противоречила такому представлению о форме Земли. Вы знаете, что говорится об этом в Библии?

— Я не знаю, — сознался я.

— Я тоже не знаю, — сказала Катя.

— Там сказано, — продолжал Жако, — что Бог создал Землю и людей, а Солнце заставил вращаться вокруг Земли. И люди в это слепо верили.

— Ну не все же! — возразил я. — Ты забыл о Копернике. Читал я о нём.

— Не забыл, — ответил Жако. — Коперник был учёным, знал астрономию, много лет наблюдал небесные светила. Он написал книгу «О вращении небесных сфер».

— Почему же его книга никого не убедила? — удивилась Катя.

— Кто тебе это сказал? — возразил Жако. — Великий мыслитель Джордано Бруно прочёл эту книгу и правильно её понял. Он утверждал, что Вселенная безмерна и бесконечна. Его очень жестоко преследовали, он сильно пострадал от гонений священнослужителей.

— И что было дальше? — спросила Катя.

Жако замолк. На все наши вопросы он отвечал упорным молчанием.

— Да что вы пристали к попугаю? — возмутился Рекс. — Он молчит потому, что сам не знает.

— Попка не дурак, — грустно сказал Жако.

Долго мы шли молча, наконец Рекс привёл нас в большой город. Я издали увидел знакомое по картинкам здание Колизея и понял, что дорога привела нас в Рим.

Люди, которых мы встречали, были чем-то очень встревожены, и все бежали в одном направлении. Что-то случилось в столице средневековой Италии.

Из обрывков разговоров людей мы поняли, что

все они стремятся на Площадь цветов. Рекс тоже направился туда, а мы за ним.

Молчавший всю дорогу к Риму Жако вдруг заговорил:

— Крепитесь духом, дети. Сейчас вы увидите очень печальное зрелище.

Вслед за Рексом мы протолкались сквозь толпу и пробрались к центру площади.

К нашему удивлению, мы увидели огромную кучу сухих веток. Перед этой кучей стоял бледный человек и спокойно слушал священника, который зычным голосом провозглашал:

— Он, Джордано Бруно, богохульник, утверждающий, вопреки свидетельству священной Библии, вопреки мудрому учению великого учёного Птолемея, что наша Земля неподвижна...

Вой толпы заглушил слова священника. Когда толпа наконец поутихла, священник произнёс:

— Церковный суд приговорил Джордано Бруно к сожжению на костре!

Мы содрогнулись. Бруно спокойно выслушал

бредовую речь священника, предрекавшую ему мучительную смерть, и презрительно сказал:

— Произнеся приговор, вы дрожите от страха больше, чем я, идущий на костёр.

— Неужели его сожгут?! — отчаянно закричала Катя.

Дрова подожгли, и пламя побежало по сухим веткам.

— Нет! Нет! — закричала Катя и, подбежав к костру, стала топтать ногами загоревшиеся ветки.

— Откуда эти отступники веры? — завопили священнослужители.

— Сжечь их вместе с Бруно! — свирепо орали люди, окружившие костёр.

— Бегите, дети, вы не спасёте меня! — умолял нас Бруно.

Жако летал над нами, а Рекс яростно лаял, не подпуская к нам озлобленных людей.

— Жако! — крикнул Рекс. — Сделай их невидимыми.

Жако совершил круг над нами и жалобно закричал:

— Я, кажется, забыл заклинания!

— Вспомни! — молил его Рекс. — У Кати уже загорелось платье.

— Вспомнил! — радостно воскликнул Жако и громко проговорил своё заклинание.

Я схватил Катю за руку. Потрясённые нашим исчезновением, люди расступились. Рекс кинулся бежать, мы за ним. Вскоре я почувствовал, как в моё плечо впились когти Жако.

Сколько мы бежали, не помню... Очнулись в лесу, без сил упали на траву и долго молчали, потрясённые увиденным на Площади цветов древнего Рима. Жако тихо произнёс заклинание, и с нас будто бы сняли шапки-невидимки.

— Как они могли, эти звери, сжечь такого мудрого человека? — рыдала Катя.

— Он умер, защищая истину науки против невежества, — торжественно сказал Жако. — Участь его разделил и учёный Галилей. Говорят, будто бы, измученный пытками, он перед казнью отрёкся, но потом воскликнул: «А всё-таки она вертится!» Это о нашей планете...

— Да, грустно, — проворчал Рекс. — Одни люди отдают жизнь за подлинные знания науки, а другие, которым всё предоставлено для того, чтобы постигать науки, пренебрегают, не ходят в школу, говорят, что эти науки им на фиг, в их жизни они им не пригодятся. Грустно...

— Господи, даже Рекс... — тихо сказала Катя, покраснела и опустила голову. Мы с Жако промолчали.

— Друзья! — рявкнул неожиданно Рекс. — Уж не собираетесь ли вы тут заночевать? А ну-ка, очнитесь, прибавьте шаг и следуйте за мной!

— Ты посмотри на него, Витя! — возмущённо сказала Катя. — «Следуйте за мной!» Разговаривает не как собака, а как какой-нибудь милиционер! С меня хватит, — сказала Катя, — я очень устала! Не можем ли мы вернуться наконец домой?

— Это зависит не от меня, — ответил я.

— А от кого?

— Не от Вити, — проворчал Жако.

— Может быть, от тебя, Жако? — допытывалась Катя.

— Нет, девочка, нет, — возразил попугай.

— Ну не от Рекса же?

— Это ясно и ежу, — сердито проворчал Рекс. — Не думал, что девчонки такие тупицы.

— Так вы скажете мне или нет, от кого это зависит? Вы что, все издеваетесь надо мной?! — закричала Катя.

— Вовсе нет, — пытался я её успокоить. — Но ты подумай хорошенько и поймёшь сама, от кого это зависит.

— Ничего не понимаю, — уныло промолвила Катя.

Мне стало её жаль.

— Хорошо. Я помогу тебе догадаться. Это зависит от одного из нас. Ясно?

— Ах, вот что! — воскликнула Катя. — Значит, не от тебя, не от Жако, не от Рекса — значит... значит...

— Вот именно! — рявкнул Рекс.

— Доходит от пяток, — добавил Жако.

— Значит, это зависит от меня? Но я же сказала, что хочу вернуться домой.

— Этим ты ничего не сказала, — возразил ей я. — Мы все хотим вернуться домой. И всё зависит от того, что ты скажешь... Подумай...

Катя задумалась. Мы молча ждали. Прошло

несколько минут. Она вдруг улыбнулась впервые за всё наше пребывание в Стране невыученных уроков и сказала:

— Всё ясно. Я должна сказать вам, что поняла, как глупо поступала, когда решила, что мне незачем учиться, если у меня есть такой талант. Есть ли талант, нет ли его — нельзя оставаться неучем. Из отличницы я превратилась в двоечницу, но ведь ещё не поздно мне превратиться из двоечницы в отличницу?

— Если ты постараяешься, — сказал Жако, — конечно, не поздно.

— И наш класс опять будет гордиться тобой, — прибавил я. — Значит, ты даёшь слово?

— Даю, — серьёзно ответила Катя, — но я столько пропустила... так отстала.

— Я помогу тебе, не бойся... Будем вместе делать уроки.

— Значит, в дорогу? — спросил Рекс. — Я уже учуял знакомый запах. За мной!

— погоди, Рекс, — остановил его я. — Как ты считаешь, Катя, сможешь ли ты хранить тайну и никому не рассказывать о нашем путешествии? Дашь ли ты мне честное слово, что никому, никогда...

— О чём ты говоришь! — возмутилась Катя. — Я же не такая простофиля, как ты. Вспомни, как тебя дразнили ребята, называли вруном и выдумщиком, когда ты рассказал в классе о Стране невыученных уроков. Конечно, я буду молчать. Только бы Рекс и Жако не проболтались.

— Об этом не беспокойся. Они не только не захотят рассказывать о нашем путешествии, они этого просто не смогут сделать. Уж это я хорошо знаю.

— И мы полетим домой?

— Нет, Катя, — ответил ей Рекс, — не полетим, а пойдём пешком. За мной!

И мы пошли за ним. Дорога скоро превратилась в тропинку, и мы вошли в лес. Он становился всё гуще. Шумели вершинами высокие деревья. Затем лес заметно поредел, и мы увидели избушку на курьих ножках. Из открытой двери выглянула старушка и приветливо сказала:

— Детки! Заходите, я вас угощу.

Катя остановилась и вопросительно на меня посмотрела. Старушка вышла на порог.

— Входите, детки, отдохните, я вас...

Рекс рывкнул и бросился на неё, оскалив зубы. Старуха испуганно закричала и убежала в избушку, захлопнув дверь.

— Это Баба-яга? — испуганно спросила Катя.

Я засмеялся:

— Спроси у Рекса.

Рекс уверенно бежал вперёд и скоро вывел нас из леса. Некоторое время мы шли молча. Идти становилось всё труднее. Тропинка исчезла, изредка до нас доносились какие-то странные звуки, рёв зверей.

— Смотри, смотри! — закричала Катя, закинув голову. — Какой-то урод летит.

— Эй, девчонка! — закричала уродливая птица-зверь, хлопая чудовищными крыльями. — Как меня зовут?

— Скажи, — тихо шепнул я Кате, — что её зовут птеродактиль.

— Да знаю я, что это птеродактиль! — закричала Катя.

— То-то же! — ответила уродина и скрылась в облаках.

— Какая страшная птица! — воскликнула Катя.

— Да какая же это птица! — презрительно усмехнулся Жако. — Она ещё полужверь и гор-

дится своим дурацким именем. Птеродактиль, — проворчал он. — Тьфу! Язык сломаешь.

— Рекс, — шепнул я собаке, — мне бы не хотелось встретиться с циклопами...

— А ты думаешь, мне хочется? — ответил Рекс. — Не беспокойся, мы обойдём их стороной. Побегая и найду дорогу. А вы с Катей сядьте на травку и отдохните.

Так мы и сделали. Катя притихла и задремала.

— Устала, — проворчал Жако. — Девчонка — она и есть девчонка.

— Да, тебе хорошо, — пролепетала Катя, — ты сидишь себе на плече у Вити...

Жако что-то собрался ей возразить, но к нам подбежал Рекс.

— Расселись! — проворчал пёс. — Подъём! Я нашёл дорогу. За мной!

И мы побежали за ним.

Лес всё редел, редел, и наконец мы вышли на поле.

— Рекс! Не беги, мы же не собаки! — кричала Катя.

Рекс остановился, оглянулся на Катю, проворчал что-то про себя, я не так услышал, как догадался, что он сказал: «Девчонка!» Потом он забежал, понюхал дорогу, остановился, крикнул: «Нашёл!» и побежал.

— Рекс! — отчаянно окликнула его Катя.

Рекс побежал медленней.

— Вот оно! — рывкнул он радостно. — Шоссе! Это дорога домой.

— Слава Богу, — вздохнула Катя. — Я так боялась, что он заблудится. Рекс! Умоляю, не беги как сумасшедший.

Неожиданно Рекс остановился.

— Ты тоже устал? — тихо спросил я Рекса.

— Что ты, дорогой! — удивился мой пёс. — Я просто жду, когда пойдут машины. Пешком Кате не дойти.

На шоссе показалась грузовая машина. Напрасно мы махали руками и кричали — она лихо промчалась мимо. Так же поступили две легковые и ещё одна грузовая машина.

— Люди хуже зверей, — проворчал Рекс.

— Ну не все же, — возразил я. — Помнишь ту добрую женщину, которая подвезла нас?

— Стоп! — рявкнул Рекс. — Это её машина!

Мы с Катей замахали руками. Машина подкачала к нам и остановилась. Из машины выглянула знакомая мне добрая женщина.

— Вы что, ребята? — спросила она. — Заблудились? Или опять от экскурсии отстали?

— Немножко заблудились, — соврал я.

— Так что, подвезти вас?

— Если вы будете так добры, — умоляюще попросила Катя

— Садитесь. Ты, девочка, рядом со мной, а ты, мальчик, с овчаркой на заднее сиденье...

Мы поторопились занять предложенные нам места.

— Какой чудесный попугай у тебя, — сказала, обернувшись, владелица машины. — Он что-нибудь говорит?

— Очень мало, — смутился я, не зная, что и сказать.

— Какой красавец! — восхищалась она. — Это какаду, великолепная птица.

— Мерси за комплимент, мадам, — сказал Жако.

— Какая умница! — воскликнула дама. — Ну что, поехали?

И она погнала машину.

Мы ехали домой! «Какое счастье, — подумал я. — И пусть теперь Виктор Васильевич на меня больше не рассчитывает. Ни за что больше не вернусь я в Страну невыученных уроков».

— В какой вам район, ребята? — спросила добрая женщина. — Мы подъезжаем.

— В Северо-Западный — сказал я.

— О, я забыла, вы же мои соседи! — воскликнула она.

Я понял, что она узнала меня и Рекса, Катю приняла за Люську, а про Женчика забыла.

— Вот тут мы и расстанемся, — сказала она, остановив машину у самой нашей школы.

— Спасибо! — крикнули мы с Катей в один голос.

— Не стоит, — улыбнулась женщина. — До свидания, ребята.

— Простите, как вас зовут? — спросила Катя.

— Надежда, — ответила она и укатила.

— Я так и думала, — задумчиво сказала Катя. — Надежда! Такие добрые женщины и должны носить это имя — Надежда.

— До свидания, Катя! — помахал я ей рукой. — Завтра утром встретимся в классе, и я надеюсь...

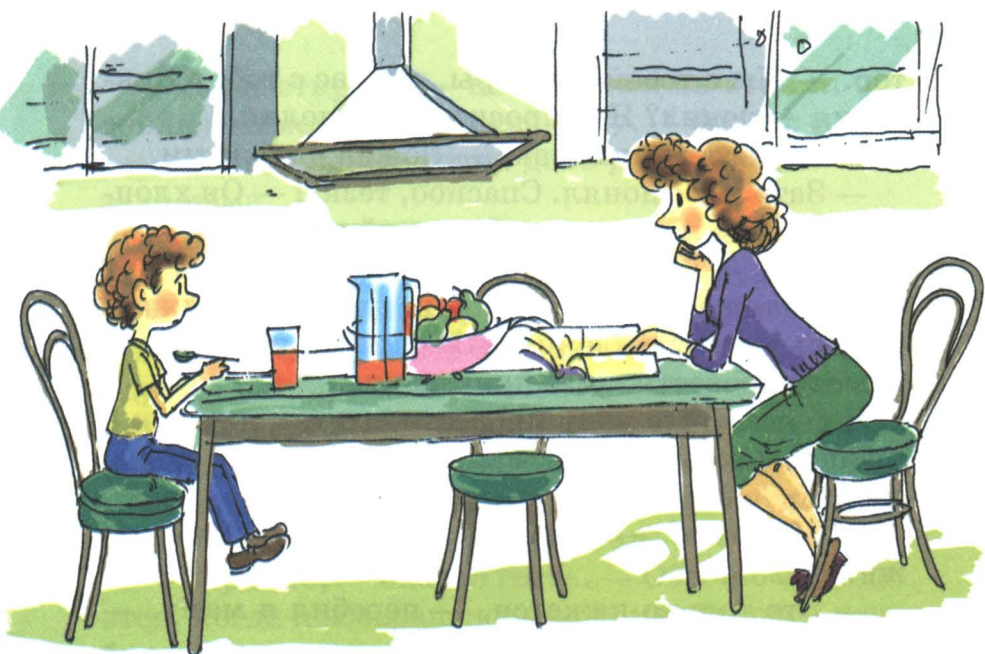
— Не обману твоих надежд, — перебила меня Катя и прибавила: — Язык на замке!

Мы пожали друг другу руки, и каждый побежал к своему дому.

Маму я встретил в столовой.

— Витенька, — сказала мама, — нагулялись с Рексом? Вытри ноги — я пол вымыла, и помой руки. Сегодня я тебе приготовила твои любимые пельмени. Рекса я покормлю.

Я поцеловал маму и пошёл вытирать ноги и

мыть руки. Кузя мяукнул и лениво потянулся, лёжа на подоконнике.

«Ладно, ладно, — подумал я, — притворяйся, котик, а ночью будешь приставать к Рексу, чтобы он рассказал о нашем путешествии».

Прошло несколько месяцев. Катя сдержала слово. Петь в хоре она не бросила. Стала учиться так же хорошо, как училась раньше. Самое смешное, что Женя помогал ей догнать класс по математике. По другим предметам мы делали уроки вместе. Двойки исчезли из её дневника, в них снова поселились пятёрки.

Как-то на большой перемене меня встретил Виктор Васильевич.

— Виктория, тёзка, — сказал директор. — Виктория!

— Виктория? — удивился я.

— Виктория — это победа! — засмеялся дирек-

тор. — Мы с тобой Викторы, и у нас с тобой Виктория — понял? Я попросил, ты исполнил!

— Ничего не понимаю, — пожал я плечами.

— Зато я всё понял. Спасибо, тёзка! — Он хлопнул меня по плечу и пошёл в свой кабинет.

Приближались летние каникулы. Приближался день моего рождения. Мы с мамой обсуждали, как его провести, кого пригласить.

Я сказал, что хочу провести его так же, как в прошлом году, в гости приглашу Люську, Женю и Катю.

— И Катю? — удивилась мама. — Мне кажется...

— Это только кажется, — перебил я маму. — Она настоящая девчонка.

— Это дело твоё. Как пожелаешь.

И вот наконец этот долгожданный день наступил. Мама подарила мне новый костюм, а папа три интересные книги. Мама снова испекла большой красивый пирог, украшенный двенадцатью свечами, папа накопил закусок, лимонаду, конфет.

К шести вечера пришли мои гости с подарками и цветами. Мы сидели за столом и весело болтали, когда раздался звонок.

— Кто бы это? — удивлённо спросила мама. — Кажется, мы никого больше не ждём.

Рекс залаял и бросился к двери.

— Рекс, на место! — приказал папа и пошёл открывать.

— С приездом, дружище! — услышали мы его весёлый голос.

— Спасибо, спасибо! — ответил кто-то папе.

В столовую вошёл папа со своим сослуживцем, Семёном Гавриловичем.

— Здравствуйте! — поклонился он всем и, подойдя к маме, поцеловал ей руку. — А у вас гости!

— У Витеньки сегодня день рождения, — сказала мама.

— Значит, я с корабля на бал? — рассмеялся Семён Гаврилович и, взглянув на меня, добавил: — Поздравляю вас, молодой человек, жаль, я не знал, а то бы без подарка не явился. Жако! Здравствуй, дружок! — обратился он к попугаю, который сидел у меня на плече. — Что же ты не радуешься возвращению своего хозяина?

Жако крепко вцепился когтями в моё плечо и что-то неразборчиво пробормотал.

— Странно, — сказал гость. — Обычно он радуется, когда я возвращаюсь из командировок и забираю его у друзей. Отвык, что ли?

У меня заныло сердце... Он заберёт моего дорогого Жако, моего мудрого верного друга... И тут ничего не поделаешь...

Папа и гость сели за стол. Мама угощала их пирогом. Мы с Катей переглянулись и поняли друг друга. Люська затеяла какой-то спор с Женей. Я от волнения не мог выговорить ни слова.

— Однако мне пора, — сказал, поднимаясь с места, наш гость. — Я ведь только с самолёта. Очень благодарен вам за то, что вы приютили мою птичку. Вижу, ему здесь было хорошо. Ещё раз спасибо. Жако, — обратился он к попугаю, — на место! — И он похлопал себя по плечу.

Жако отвернул от него голову и ещё крепче вцепился мне в плечо.

— Жако! — изумился хозяин. — Я же сказал: «На место!» Да что с тобой, дружок? Тебе пора домой.

Рекс склонил голову набок и внимательно слушал нашего гостя.

— В чём дело? — огорчённо спросил Семён Гаврилович.

— Мне рассказывали, — вдруг начала Катя, — что однажды попугай так сильно привязался к своему новому хозяину, что, когда его отняли у этого хозяина, он умер от тоски...

— Но ведь я... — начал гость и вдруг остановился. — Вы хотите сказать, что...

— Да, — ответила Катя, — я именно это хотела сказать.

— Жако, это правда? — тихо спросил его хозяин.

— Витя, — испуганно прошептала мама. — Боже мой, он плачет...

— Что ты говоришь! — возмутился папа. — Витя плачет?.. Этого не может быть!

Я ничего не мог с собой поделать. Слёзы показались у меня по щекам.

— Ты так полюбил Жако? — тихо спросил Семён Гаврилович.

— Да, — так же тихо ответил я.

— И он тоже полюбил Витю, — сказала Катя. — Разве вы этого не видите?

— Странно, — дрогнувшим голосом проговорил гость. — Я тоже его люблю, но я так часто уезжаю, оставляю его то с одним, то с другим... Не плачь, мальчик. У тебя сегодня день рождения, а я пришёл без подарка. Считай, что я подарил тебе Жако.

— Спасибо. Огромное спасибо, — пролепетал я и вытер слёзы. — Но как же вы...

— Ничего. Жако не единственный попугай на свете. Куплю другого. Жако я не смог научить говорить. Он только выучил одну фразу «Попка не дурак».

— Ну как же, — возразила мама. — Он перед

вашим приходом сказал «мерси за комплимент, мадам».

— Правда? — удивился гость. — Ну, значит, Витя более способный учитель, чем я. До свидания, друзья! Надеюсь, вы разрешите мне изредка навещать вас... и Жако?

— Мы всегда будем вам рады, — ответила мама.

Гость поклонился нам всем, и папа пошёл его провожать.

— Что бы он сказал, если бы услышал, как Жако пел пародию на песню о Стеньке Разине? — засмеялась мама.

Мой день рождения! Мой самый счастливый день рождения! Все мои друзья — Катя, Люся, Женя, Рекс, Жако и Кузя — все со мной. Жако, мудрый Жако, никто не отнимет его у меня!

Заснул я поздно. Проснулся оттого, что услышал голос Кузи.

— Интересно, — сказал кот. — Кого из нас Витя любит больше? Надеюсь, что меня. Ведь он вырастил меня из маленького котёнка. И первое, самое опасное путешествие в Страну невыученных уроков он совершил со мной.

— А я думаю, что меня, — проговорил Рекс. — Собака всегда была самым любимым другом человека.

— Но, быть может, всё-таки меня, — предположил Жако. — Ведь он заплакал, когда мой прежний хозяин хотел нас разлучить.

— Я вас всех люблю одинаково! — громко сказал я.

Мои звери замолчали.

— Он услышал нас, — горестно сказал Кузя. —

Больше мы никогда не сможем беседовать по ночам...

«Ах, какой я дурак! — подумал я. — Больше не услышу, как они разговаривают. Ни одного слова, кроме тех, которым я смогу обучить Жако».

И я заплакал. Второй раз в этот свой счастливый день рождения.

В серии «БИБЛИОТЕЧКА ШКОЛЬНИКА» вышли книги:

Аксаков С.	Аленький цветочек (<i>сказка и рассказы</i>)
Алексеев С.	Рассказы о Великой Отечественной войне
Бажов П.	Серебряное копытце (<i>сказы</i>)
Гайдар А.	Тимур и его команда
Гайдар А.	Чук и Гек. Повесть и рассказы
Гераскина Л.	В Стране невыученных уроков
Гоголь Н.	Повести
Голявкин В.	Весёлые рассказы
Горький М.	На дне
Гюго В.	Гаврош
Грибоедов А.	Горе от ума
Григорович Д.	Гуттаперчевый мальчик
Губарев В.	Королевство кривых зеркал
Драгунский В.	Денискины рассказы
Дуров В.	Мои звери
Житков Б.	Рассказы для детей
Зощенко М.	Рассказы для детей
Катаев В.	Цветик-семицветик
Лермонтов М.	Поэмы и стихи
Лафонтен Ж.	Басни
Лесков Н.	Левша
Мамин-Сибиряк Д.	Алёнушкины сказки
Некрасов Н.	Поэмы и стихи
Осеева В.	Рассказы и сказки
Пантелеев Л.	Честное слово (<i>рассказы</i>)
Паустовский К.	Рассказы
Пивоварова И.	Рассказы Люси Синицыной
Погорельский А.	Чёрная курица, или Подземные жители
Пришвин М.	Лисичкин хлеб
Пушкин А.	Повести Белкина
Пушкин А.	Полтава. Медный всадник
Уайльд О.	Кентервильское привидение
Толстой Л.	Рассказы для детей
Тютчев Ф.	Стихи
Ушинский К.	Рассказы и сказки
Чаплина В.	Рассказы
Чарушин Е.	Про зверей
Чехов А.	Каштанка (<i>рассказы</i>)
Шварц Е.	Сказка о потерянном времени

Заказать эти и другие книги можно по адресу: 127015,

Москва, Новодмитровская ул., 5а

Телефоны для справок: (495) 640-21-79, 685-47-06

www.iskatel.net

Для среднего школьного возраста

ГЕРАСКИНА Лия Борисовна
В СТРАНЕ НЕВЫУЧЕННЫХ УРОКОВ-3

Художник П. Гавин

Подписано в печать 29.05.2015.

Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 5. Гарнитура «Школьная».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 10 000 экз. Заказ № К-3729

ООО «Искателькнига», 127015, Москва, ул. Новодмитровская, д. 5А.

Отпечатано в ОАО «ИПК «Чувашия», 428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13.

Телефоны для справок:
(495) 640-21-79, 685-59-01
www.iskatel.net

ISBN 978-5-906775-40-5

9 785906 775405

Электронный вариант книги:

Скан, обработка, формат: manjak1961

Книги издательства вы можете заказать по адресу:
127015, Москва, Новодмитровская улица, 5а.
Наши телефоны: **(495) 640-21-79, 685-47-06**

9 785906 775405